

Исповедь

Митрополит Антоний (Храповицкий).¹

Значение Исповеди для Христиан. Душевное настроение самого духовника. Влияние исповеди. Внешние условия разумной исповеди. Духовное руководство. Духовное Врачевание, Неверие и Маловерие. Духовная мнительность. Страх сознаться в грехе. Самооправдание. Духовная прелесть. Недуги воли и сердца. Гнев. Гордыня и тщеславие. Седьмая Заповедь. Пьянство. Прочие страсти и отдельные грехи. Зависть. Сребролюбие. Особые грехи. Грехи против ближних. Грехи против Бога. Грехи против собственной души. Епитимии.

Значение Исповеди для Христиан.

Когда я преподавал науку пастырского богословия в двух Академиях, то мои слушатели с особенным интересом собирались на лекции об исповеди, которые я читал ежегод-

¹ Митрополит Антоний (Алексей Павлович Храповицкий. 1863-1936) происходил из старинной новгородской дворянской семьи. Монашеский постриг он принял будучи студентом Санкт-Петербургской Духовной Академии, а в 1885 г., в год окончания Академии, был рукоположен во иеромонаха. Свою преподавательскую деятельность митрополит Антоний начал в Холмской Духовной семинарии; затем преподавал в Петербургской Духовной Академии. Был ректором Петербургской семинарии, позже — Московской и Казанской Духовных Академий (в сане архимандрита, а с 1897 г. — епископа). Во время своего преподавания и ректорства Владыка Антоний читал разные курсы по кафедрам литургики, философии, Ветхого Завета, но самым важным предметом для духовных учебных заведений считал пастырское богословие. Среди студентов митрополит Антоний (тогдашний архимандрит) пользовался глубокой любовью и почитанием за свой добрый нрав, пронизательный ум и простоту. Он воспитал целое поколение ученого монашеского духовенства. Его слушателями были многие будущие иерархи Русской Церкви: святитель Тихон (Беллавин), митрополиты Сергей (Страгородский), Трифон (Туркестанов), Евлогий (Георгиевский) и др. За время ректорства в Духовных Академиях Владыка Антоний постриг более шестидесяти студентов, из которых впоследствии большинство стали архиереями, среди них архиепископы Феодор (Поздеевский) и Пахомий (Кедров), епископ Варлаам (Ряшенцев). Многие в жизни преосвященного Антония было связано с Западной Украиной, где начиналась его преподавательская деятельность. В 1902 г. он был назначен на Вольнскую и Житомирскую кафедры. В то время особым попечением Владыки Антония пользовались православные карпатороссы и галичане, терпевшие за свою веру притеснения от униатов и католиков. Туда, в униатский базилианский монастырь в г. Бучач митрополит Киевский и Галицкий Антоний был отправлен в конце 1918 г., будучи в плену у петлюровцев за свое твердое отвержение украинской автокефалии и сохранение канонической связи с Русской Православной Церковью. Вскоре после освобождения, в 1920 г., он эмигрировал в Сербию, и дальнейшая его жизнь протекала вне Родины. Находясь в Бучаче в 1919 году, митрополит Антоний и написал эту книгу, в целом адресованную священникам, но не менее полезную и для мирян. Хотя книга несет на себе определенную печать эпохи, в которую создавалась, тем не менее она чрезвычайно актуальна и в наши дни и отвечает на многие вопросы тех, кто встал на путь спасения, путь покаяния. В новом издании “Исповеди” авторский текст печатается без изменений. Разъясняя смысл Таинства покаяния, давая конкретные наставления служителям Христовым в их трудном и священном пастырском делании, книга одновременно раскрывает и многие особенности духовной жизни в конкретную историческую эпоху нашей Родины — особенности, которые мы сочли необходимым сохранить для современного читателя.

но по четыре и более. И тогда, и много времени спустя, по окончании мною академической службы, меня упрашивали воспроизвести эти лекции на бумаге и затем отпечатать. Но, имея при себе только самое краткое оглавление их содержания и обремененный всегда множеством дел и людей, я так и не собрался до сего времени взяться за это дело, тем более, что предметов, просившихся из-под моего пера, всегда было немало, а времени свободного — только ночи.

В настоящее время, заключенный в униатском монастыре, я располагаю свободным временем в избытке, но опасаясь, что работа моя потерпит немалый ущерб по той причине, что тех, хотя и очень кратких, можно сказать, символических конспектов при мне нет, а память, конечно, не может сохранить всего, о чем я говорил в академических аудиториях девятнадцать лет тому назад и ранее. Но, отложив всякое притязание на полноту изложения предмета, поделюсь с читателем из того, что Господь поможет мне вспомнить.

Исповедь, совершаемая служителем Христа, есть такое дело, которое в определенном смысле должно сопровождать все его отношения с верующими. Называя священников духовными отцами, христиане сознают, что такие избранники Божии имеют право и обязанность постоянно взывать к голосу их совести и требовать открытия им своей души. Конечно, с усложнением житейских отношений, с омирщением и нас самих, и нашей паствы, и нашего общения с людьми, пользоваться этим правом, вернее — исполнять сей долг нашего звания, возможно бывает не при всякой обстановке, но тем не менее даже плохие христиане сознают, что по существу дела должно бы быть иначе. Они никогда не примирятся с иным взглядом на священника, кроме как на посредника между собою и Богом и в молитвах, и в присужденной каждому человеку постоянной борьбе между добром и злом. Вот почему, даже в последнее время всеобщего охлаждения к вере и спасению, могут существовать такие священники и монахи, которые, с кем бы и о чем ни говорили, но направляют свои мысли и слова так, словно беседуют с кающимися на исповеди. Их теперь не много, но еще недавно, на нашей памяти, в благочестиво настроенных патриархальных сельских приходах и даже иногда в среде общества образованного, можно было встречать пастырей, так настроенных и так окружаемых людьми, что их беседа с паствой и дома у них, и в собраниях, и где угодно, ничем почти не различалась от беседы на исповеди: спасение души, воля Божия, истина Божия — вот что всегда являлось предметом взаимоотношения пастыря с паствою.

Высший образец таких отношений являют собою монастырские старцы, к которым приходят для исповедания помыслов и за руководственными советами монастырская братия и все православные христиане со всех концов мира. Ответы и советы старца приемлются как голос Божий и преступить их люди почитают смертным грехом по подобию греха Адама и Евы. — Не думайте, что такое, или хотя бы подобное, отношение к пастве, даже к приходящим на исповедь, есть нечто совершенно недостижимое для обыкновенного духовника: большинство нашего духовенства само не знает, какая великая духовная сила находится в руках верующего духовенства. Оно воспитывается, в большинстве своем, отдельно от жизни мирян, и, будучи с детства среди духовных лиц, зная последних не столько как служителей Божиих, сколько в качестве своих родных отцов, родственников или начальников, наши священники и прочие духовные лица и вообще сыны духовного сословия не представляют себе исповедь так таинственно, так трепетно и так мучительно, как обыкновенные миряне, простые ли или образованные: здесь сходятся в одно эти во всем разобщенные члены нашей паствы, кроме, конечно, тех, которые совсем перестали являться на исповедь и отвернулись от Христовой Чаши.

Может быть, мне скажут собратья пастыри: ты ставишь нам в пример оптинского о. Амвросия и о. Иоанна Кронштадтского; но что общего между благоговейно преклоненной толпой, собравшейся к их подножию, и моей нетерпеливой паствой, теснящейся, в количестве пятисот человек, около исповедали, чтобы затем, ворвавшись в нее поодиночке, пробормотать несколько раз: грешен, грешен, и затем поспешить убраться из церкви?

Да, общего здесь мало, но бывает и хуже: в некоторых многолюднейших епархиях Восточной Украины священники исповедуют сразу по пятнадцать-двадцать человек, а в Петрограде многие отцы исповедуют разом всех собравшихся в церковь, предлагая затем желающим поговорить с батюшкой и отдельно, но таких смелых христиан находится очень немного, а иногда и никого; всякий думает: нас пятьсот человек, и если каждый пойдет отдельно говорить, то до утра не успеют.

Явление печальное, скажу более — ужасное; а я должен присовокупить еще одно, более ужасное, но для большинства не новое сообщение. На епархиальных съездах после первой революции 1905 года в нескольких местах духовенство постановляло: “отдельную исповедь отменить и заменить общеою,” т.е. просто отменить исповедь, или, что то же, отменить православную веру, ибо с отменою исповеди отменяется и тот взгляд на благочестие, как на постоянную внутреннюю борьбу, чем наша вера и отличается от лютеранской и штундовской ереси. Конечно, эти богохульные постановления не выражали собою голоса и желаний всего духовенства: большинство последнего, надеюсь, в ужас приходило, узнавая о таком безумии своих собратьев. Но это самое большинство, конечно, не будет спорить против того, что исповедь у нас совершается бестолково, безобразно, не по чину церковному и не по духу пастырскому. Миряне сознают это еще болезненнее, но от кого зависит поставить дело иначе? Кто главный виновник того, что оно упало с надлежащей высоты?

Конечно, мы — пастыри. Мы имели и имеем полную возможность не ослаблять его до такой степени; мы и теперь можем это дело исправить: было бы только доброе желание, да доброе старание поработать — прежде всего над самим собой. — В чем же эта первая работа должна заключаться?

Мы сказали, что духовные лица не вполне сознают, с какою благоприятной для задания настроенностью души предстоят им миряне во время исповеди. Чтобы дать себе в этом ясный отчет, остановите свое внимание на том, что беседа между двумя людьми на исповеди составляет собою явление совершенно исключительное в жизни исповедующегося и вообще в жизни людей. Ведь, все разговоры, которые ведутся между людьми вне исповеди, особенно в настоящее время, имеют целью скрывать свои недостатки и выставить свои, часто не существующие, достоинства. Большинство людей считает своими врагами тех, кто обличил их в чем-либо, даже тех, кто узнал о них что-либо недоброе. На совесть почти каждого человека есть дела, слова и мысли, в которых он и под ножом не признался бы своим знакомым, — а придет день и час исповеди, и он добровольно все это излагает своему духовнику. Правда, он и духовнику выскажет это только после тяжелой внутренней борьбы и при уверенности, что духовник никому не передаст его признаний; он, быть может, несколько лет уже уклонялся от исповеди потому только, что не мог победить своего стыда, своей гордыни; но если уж он пришел, то распнет себя духовно и расскажет свой грех. Подумай об этом, иерей Божий, и пожалей, полюби человека. Никогда человек не бывает так прекрасен, так мил Богу, как тогда, когда он убивает перед Ним и перед тобою свою гордыню. Лишь только уничтожен этот главный враг нашего спасения, враг Божий, т.е. гордость, сейчас же душа исповедующегося становится откры-

той для восприятия самых святых мыслей, желаний, намерений и решений. Блажен ты, духовник, если Бог тебе скажет то, что именно может послужить на пользу твоему духовному чаду для совершенного или постепенного отрешения от прежних грехов. — Но Бог помогает труждающимся, а не лежащим, говорит святитель Тихон Задонский, и вот ты и должен главной задачей своей жизни поставить приобретение опытности духовного врачевания, т.е. руководственных указаний христианам, как бороться с грехом, и как укрепиться в добродетели.

Увы, нужно сознаться, что в этом деле наше духовенство совершенно неопытно. Его учили в школе всему, кроме этой главной премудрости, и ее имеют только те пастыри, которые собственным трудом ее снискали или через чтение творений отеческих, Священного Писания, или через знакомство с опытным старцем, или чрез молитву и собственный опыт наблюдения над собою и паствою, а главное — чрез собственный посильный подвиг борьбы с грехом.

Мы уже упоминали, что для приобретения опытности духовнику должно поработать прежде всего над самим собою; в чем эта работа? Ответ: должно полюбить людей, полюбить человека, по крайней мере, в те минуты, когда он отдал себя тебе, отдал себя Богу. Лучшим, чем в эти минуты, ты едва ли его встретишь, и если ты не постараться теперь полюбить его, то никогда не полюбишь в условиях обычной жизни.

Но как же приказать своему сердцу, если оно холодно? Нет, оно не может остаться у тебя холодным и безучастным, если ты потрудишься дать себе отчет в том, что ты совершаешь, что совершается около тебя; если не придешь на исповедь “между прочим,” если не оторвешь на это время своей души от забот хозяйственных или семейных. Смотри, какой исключительной на земле чести сподобил тебя Бог, какое благодеяние тебе посылает. Ведь ни отцу, ни матери, ни жене, ни другу, ни царю не откроет христианин тех тайн души своей, которые он теперь раскрывает Богу и тебе. И если хирург с великим тщанием и страхом берется за нож, чтобы совершить опасное и потребное резание человеческого тела, то, конечно, во много раз больше должен ты и трепетать, и молиться, чтобы исцелить, а не убить бессмертную душу.

Душевное настроение самого духовника.

Если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы, — пишет Апостол (1 Кор. 11:31). Три четверти или, может быть, девять десятых наших грехов, ошибок и даже преступлений происходят потому, что люди не хотят подумать о своих словах и действиях прежде, чем что-либо сказать или сделать. Кто не работает над собою, тот не знает, какое огромное значение для души и для разумной жизни имеет даже минутное отрешение от окружающей суеты и сосредоточение мыслей и совести над тем, чего требует от тебя Господь в данных обстоятельствах, вообще в данное время.

И вот, если ты, собираясь принимать исповедь христиан и призвав в помощь Божественную благодать, сосредоточишься мыслью над тем, что ты сейчас прочитал здесь, если вспомнишь, как и сам ты приходил исповедать свои грехи, как подчас тяжка была твоя собственная борьба со страстями и как плачевны падения, то ты уже сотворил великое благодеяние своей пастве. Несомненно, что, если не всем, то многим из твоих духовных чад ты скажешь умиленные и потрясающие слова, которых бы не сказал, если б не исполнил моего, этого немудреного, совета. — Ты спросишь: неужели столь малое усилие над собою может быть причиною таких великих последствий, как нравственное потрясение и даже настоящий покаянный перелом в нескольких жизнях моих ближних, за кото-

рых Христос распялся? И это теперь, когда и религия-то в полном пренебрежении, и на архиереев-то никто смотреть не хочет, а я, незаметный простой священник, могу надеяться на такую силу своих слов?!

“Испытай и увидишь,” — отвечу тебе я, и не удивляйся. Трудно ли миллионщику ошастливить и обогатить целую деревню одним росчерком пера на банковском чеке, или одним кратким приказом старосте выдать голодающим сто кулей муки? А ты богач духовный, великий богач, если даже сам еще не мудр и не свят; но богат ты не своими добродетелями, не своею силою духовною, а пребывающим в тебе дарованием, которое дано тебе по пророчеству с возложением рук священства (1 Тим. 4:14). Не сами по себе твои слова сильны, а благоприятна в эти минуты та почва, та земля, на которую падет твое духовное семя. Эта благоприятность возделана веками церковной жизни, хотя и пошатнувшейся в наши дни, но все же носящей на себе следы или отражение бесчисленных духовных подвигов, борьбы и страданий воспитавшей христианина среды, семьи и его собственных, хотя бы и не очень постоянных, усилий одолевать зло и насаждать добро и веру в своем сердце. И вот, согласно учению Церкви, он взирает теперь на тебя, как на глашатая Божия, как на пророка, и словам твоим и мыслям сам дополняет цену от собственного возвышенного настроения и веры, как бы слушая слова Бога. Да оно почти так и есть на самом деле. Если ты воспринял в себя скорбь и борьбу этого человека, если возлюбил его и уничтожил себя пред Господом в своем сердце и призвал молитвенно Его благодатную помощь, то на тебе, хотя и грешном пастыре, исполнится слово Господне: *Не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас* (Мф. 10:20). Слова эти имеют не тот, уже вполне сверхъестественный смысл, чтобы каждый раз священник получал, помимо собственной головы и сердца, особое откровение от Бога, а тот, что благодать Божия, призванная со-вершителем сего великого таинства в смиренной молитве, озарила его душу духовною любовью и состраданием к кающемуся, а затем, как выражается святитель Тихон Задонский даже о ревностных мирянах: “Любовь отыщет слова, которыми можешь подать помощь душе ближнего, и это дело не требует большой учености — единого напоминания (о Боге и совести) требует.”

Вот почему мы храним глубокую уверенность в том, что главное условие плодотворного выполнения духовнического дела заключается в том убеждении, что просвещает и укрепляет его в добром намерении не наша мудрость, а благодатное озарение его души и твоей собственной души, как посредника между ним и Богом. — Если б я мог вложить в читателя-священника это убеждение и такое чувство, то почитал бы свое руководство вполне достаточным и даже законченным в виду приведенных слов святителя Тихона; и если мы все-таки продолжим свою речь об исповеди еще далее и даже коснемся вопроса о внешнем ее порядке, то по преимуществу все с тою же целью, чтобы читатель-священник, всмотревшись обстоятельно в это дело, нашел бы в том еще сильнейшие побуждения к тому, чтобы собственную душу наполнить ревностью о стяжании духа веры, смиренномудрия и сострадательной, пастырской любви к кающимся.

Приходится, однако, убеждать духовников к такому внутреннему подвигу очень настойчиво, и все-таки, к сожалению, нередко безуспешно, ибо, насколько сей подвиг духовничества велик, свят и плодотворен, настолько злые искушения отвлекают от него нашу душу. Коснемся сперва тех, которые исходят не от злой воли нашей, а от малодушия и неопытности. И вот первое, что скажет вам неопытный священник в ответ на мысль о доступности кающихся к глубокому воздействию на их души: “Половина приходящих на исповедь людей привыкла исполнять это дело, как тягостный и скучный долг приличия;

когда же общественное приличие перестало сего требовать, особенно со времени революции, то большинство из них перестало и говеть, а из продолжающих исполнять сей обычай едва ли не большинство исполняют его только по старой привычке. Говорить им слова любви и пламенного увещания все равно, что бросать горох в стенку.” — Я не согласен с тобою, любезный собрат, но против твоего указания пока не буду спорить. Иметь притязание на коренное обращение к добродетели всех, принявших у тебя Таинство исповеди, было бы, конечно, слишком смелым. Но почитай книгу Деяний. Разве проповедники обращения к Богу добивались того, чтобы непременно все жители посещаемого ими града уверовали во Христа? Нет, они останавливали свое внимание и свое чувство на немногих уверовавших и потом преподавали им слово Божие и свои души (1 Сол. 2:8). Конечно, их слушатели-иноверцы не были их паствой, их духовными чадами, как пришедшие к тебе на исповедь христиане. Но хотел бы я тебя убедить в том, что, если ты хоть некоторых, хоть немногих смиренных грешников отечески воспримешь в свою душу и голосом участия и любви от имени Божия будешь увещевать их и учить духовной борьбе, то и это будет большим подвигом в очах Божиих и Церкви, чем все прочее, чем ты послужишь Ему и ей. Если ты деятельный секретарь епархиального собрания, председатель свечного завода, член семинарского правления или консистории, то все эти почтенные труды ничего не стоят сравнительно с тем, чтобы хотя одну душу возвратить с пути погибельного на стези спасения. В теории ты и сам, конечно, с этим согласен, но, к сожалению, у большинства иереев те мирские или полумирские дела отнимают гораздо больше не только времени, но и сердечных забот и усердия, чем попечение о том, что дороже всего мира, т.е. душах человеческих, им вверенные.

Ты опасешься, что тебя оттолкнут увещаемые? Начни с тех, от которых ты ожидаешь иного отношения; только начни, только поработай над собой, как я написал здесь, и приступи с добрым расположением и молитвой к совершению сего Таинства. Лишь бы дал тебе Бог вкусить той духовной сладости, с которою ты мог бы повторить слова Евангельского отца: *Ибо этот сын мой был мертв и ожил; пропадал и нашелся* (Лк. 15:24). Столько же духовного блага и принесешь ты ему, сколько и себе самому. Подобно молодой женщине, родившей первенца, ты найдешь в своей душе совершенно новые, дотоле неведомые тебе и невиданные мирскими людьми обильные волны святых чувств любви, сострадания к людям, восторженного прославления Спасителя, их дерзновения за святую веру и готовности все претерпеть за истину Христову. Тогда ты поймешь, если и не понял до дня своей хиротонии, что священник — не обыкновенный христианин, не обыкновенный человек, но соучастник искупительного подвига Христова, носящий в душе своей множество душ, ему вверенных. Поймешь ты тогда, что благодать священства, тебе преподанная, не есть только “право совершать церковные чинопоследования,” а определенный нравственный дар, особая добродетель духовной любви, о которой так выражается Иоанн Златоуст, определяя сущность благодати священства: “Духовную любовь не рождает что-либо земное; она исходит свыше от неба и дается в Таинстве священства, но усвоение и поддержание сего дара зависит и от стремления человеческого духа.” Эти слова Отца Церкви я неоднократно приводил в своих писаниях, привожу и здесь, ибо ими во всей точности запечатлевается все выше писанное.

Влияние исповеди.

Вот кающийся, смиренно исповедав свои грехи, слышит кроткий, любви и благоговения исполненный голос духовника: “Господь прощает кающегося; Он близок к твоей

душе и желает тебе победы над грехом больше, чем ты сам, как и ты своим детям желаешь укрепления в добре больше, чем они сами. Когда начнется борьба в твоём сердце, вспомни о Всеведущем и сострадающем Искупителе, вспомни, что Ангел Хранитель с заботливой скорбью следит за колебанием твоей души; пожалей сам свою душу. Видишь, и мне тебя жалко, а Бог нас любит во много раз больше, чем мы друг друга. Если сам же не оттолкнешь Его помощи, Он не предаст тебя в рабство твоим прежним страстям. Призывай Его во время искушений, осеняй тогда себя знамением Креста, отвращай взор твой от соблазнов, удаляйся от людей, склоняющих тебя на злое или раздражающих тебя, и будешь тогда победителем невидимых врагов.” — Такими, хотя и короткими словами духовник глубоко растрогает и без того взволнованную душу кающегося. Обновленный духом, возвратится он к своим делам по причащении Святых Таин и все домашние заметят, что с ним произошло нечто особенное, изменившее его настроение, а то и самую его жизнь.

Вероятно, он и сам поделится теми святыми чувствами, какие навеяны на него сердечными увещаниями пастыря. Самую сердечную благодарность и любовь к последнему будет он носить в своём сердце и начнет всем советовать идти на исповедь именно к этому священнику. Впрочем, свой святой долг мы обязаны выполнять независимо от успеха или неуспеха увещаний, как сказал Господь пророку Иезекиилю (гл. 2): но здесь успех бывает благословенный. Раз или два ты совершишь исповедь людей или даже одного человека, как к тебе потянутся новые и новые духовные чада. Один придет к тебе в дом и будет плакаться на свои духовные язвы или просить утешения в горестях своей души; другой в церкви, даже не в обычное время, будет просить у тебя исповеди. Слух о сердечном, любящем людей и благоговейном пастыре быстро разнесется не только по селу, но и по городу, и дай тебе Боже только успевать, чтобы отозваться на все простираемые к тебе мольбы о духовном врачевании.

"Как? Это в наше-то (большевицкое) время, когда усердных пастырей поносят, изгоняют и убивают?" Да, и в наше время убийцы — убийцами, безбожники — безбожниками, но верующих и молящихся все-таки несравненно больше, чем безбожных; и, пожалуй, горячее, чем прежде, приникнут они к подножию такого пастыря, который отнесется к их исповеди не как резонатор, а как любящий и сострадающий отец, — к такому пастырю, какими обязаны быть мы все, принявшие благодать хиротонии и долженствующие иметь то же чувство, как святой Иоанн апостол: *Для меня нет большей радости, как слышать, что дети мои ходят в истине* (3 Ин. 1:4). Конечно, от столкновения с чадами недостойными, с сынами противления, пастырь не будет свободен, даже при совершении Таинства исповеди. Но душа твоя должна быть исполнена радостью о чадах послушания и повторять слова псалма: *Научу беззаконных путям Твоим, и нечестивые к Тебе обратятся* (Пс. 50:15). Всех нечестивых ты не обратишь, ибо и кровь Господня излилась за многих, а не всех привлекла к Распятому, и апостол Павел говорил: *для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых* (1 Кор. 9:22). Это так, но все же помеха для достойного исполнения духовнического призвания не в людях, не вне тебя, а в тебе самом, если ты не хочешь взяться за это святое дело, как велит Господь.

— Конечно, ты прав, ответят мне многие духовники: конечно, если б я был святой, если б мог озарять сердце свое таким участием к людям и такой верой, я бы, вероятно, достигал при благодати Божией всего, о чем ты мне толкуешь. Но нас этому не учили; душа моя черства, я и молиться-то почти никогда не умел с теплотою и умилением, а стяжать такую евангельскую любовь к людям, от которых постоянно терпишь оскорбления и оби-

ды, — это выше моих сил и об обязательности для себя такого настроения я даже и не думал, а мои собратья и родственники тоже о том никогда не говорят.

Ожидаю таких ответов от многих, пожалуй, от большинства искренних пастырей, но не в этом еще их беда, и не в этом — горе паствы. Если такое признание исходит от тебя с духом самоукорения, если с сокрушенным сердцем сказал ты такие слова, то это еще полбеды (Мк. 9:24). Ужасно другое; ужасно, если с горделивым пренебрежением и насмешкой над человеческим покаянием, над душою ближнего, скажешь ты такие слова; если же со смиренной скорбью о себе, то *сердца сокрушенного и смиренного Бог не уничижит* (Пс. 50:19), *ибо близ Господь сокрушенных сердцем и смиренных духом спасет* (Пс. 33:19). Чем глубже ты проникнешься сознанием своей далекости от того духа всеобъемлющей любви и сострадания, коим должен быть исполнен Христов пастырь, чем больше ты оплакиваешь свое очерствение, тем ближе к тебе Божественная благодать, тем доступнее твоя душа для светлых озарений. Помысел будет тебе внушать глаголы уныния: “Ну где тебе, черствому, раздражительному и себялюбивому человеку принимать к сердцу чужие грехи как свои собственные, и распинаться пред Богом вместе со всяким исповедующимся среди утомления целодневного труда исповеди? Выслушай грех, да прочитай отпущение, а сверх того тебе все равно ничего не сделать.” — Ты же отвечай помыслу: “Пусть я таков на самом деле, пусть я не способен правильно отнестись к исполнению этого высокого долга пастыря, и для большинства духовных чад окажусь только формальным свидетелем их покаяния. Но все же буду делать столько, сколько смогу, т.е. сколько поможет мне Господь. И вот начну с того, что буду смиренно умолять Его о вразумлении меня и научении, о смягчении моего сердца и даровании мне духа сострадательной любви и руководственной мудрости, чтобы научать своих духовных чад, как им бороться с грехом, а сверх того заблаговременно постараюсь и внешний порядок исповеди устроить так, чтобы возможно больше времени можно было уделить каждому верующему, и самому мне научиться у святых Отцов руководству душою человека в ее борьбе между добром и злом.”

Если твердо установишься в таком решении, то, рано или поздно, станешь прекрасным духовным врачом верующих. Только держись такого решения и не поддавайся унынию, когда поднимающееся в душе нетерпение, раздражение и усталость начнут искушать тебя против дела Божия. Если на первое время хоть с некоторыми из многих поговоришь по душам, отечески и братски, а затем принесешь Богу искреннее покаяние в том, что неко всем явился ты духовным отцом; то к следующей исповеди придешь уже более созревшим духовно, с более смягченной душой, с более ясною верою в благодатную силу Божию, и так будешь постепенно возрастать в мужа совершенного ты сам, а твои духовные чада в полноту возраста Христова.

Внешние условия разумной исповеди.

Мудрено устроить исповедь лучше, чем это делается теперь в большинстве православных приходо́в, когда в один день приходится исповедовать по четыреста и по шестисот человек, когда исповедь производится только в продолжение пяти или восьми дней в целом году.

“И мудрено, — подтвердят мне духовники, — и изменить этот порядок невозможно; я старался умножить число исповедных дней в первом же году своего иерейского служения, да прихожане так меня и не послушали.” Охотно верю тебе, любезный собрат: обычаи сельской жизни держатся крепко, а крестьянин связан в своем быту множеством условий

хозяйственной и семейной жизни, которых он и его семья не изменят, если новый батюшка ограничится заявлением в начале говения, что желающие причащаться могут придти на исповедь и во вторник, и в среду. — Увещевать прихожан, чтобы исповедовались не только в четыре или семь пятниц Великого поста, да в канун Благовещения, должно не за четыре дня до самой исповеди. Нет, еще с Рождества начни говорить о том, какое значение для души имеет неторопливое исповедание своих грехов и хотя бы десятиминутная, даже пятиминутная беседа с духовным отцом. Заранее поясни о том, что нет никакой необходимости исповедаться непременно накануне Причастия и причащаться непременно в субботу. По Постной Триоди прочитай, что “приудостоившиеся” причащаются и на любой Преждеосвященной Литургии, и в воскресные дни Четырдесятницы. Если в первый пост не многие воспользуются твоим пояснением, зато те, кто придет на исповедь не в пятницу, а раньше, расскажут другим, как умирительно было им раскрыть пред духовным отцом свою душу, как батюшка “точно тяжелую шубу снял с моих плеч, и научил меня, как отстать от греха.” На следующий год, или даже на следующий пост, т.е. в Петровский или к Успению, у этих христиан найдутся многие подражатели, а ты сам, получив от людей признание себя опытным и назидательным духовником, приобретешь у них полное право распоряжаться назначением исповедных дней и часов по собственному твоему усмотрению, лишь бы ты заявил о том людям заблаговременно и затем сам аккуратнее являлся бы в назначенные дни и часы для исповедания.

Исповедь ты должен каждый раз предварять обстоятельной и одушевленной проповедью, даже не одной. В первой увещевай людей к искреннему покаянию пред Богом и к искреннему признанию своих грехов пред духовником. Во второй, которую скажешь при чтении исповедных молитв, напomini, какие епитимии положены Церковью на Вселенских Соборах, и прочитай несколько из них по требнику (за блуд на семь лет отлучение от Причастия, за прелюбодеяние — на пятнадцать, за нарушение поста — на два года); затем прочитай те слова Номоканона при Требнике, которыми разрешается уменьшать епитимии за слезное покаяние, за пост, за милостыню, за пострижение в иноческий чин, и поясни, что без этих условий, т.е. без тяжкого сокрушения сердца и подвигов, грехи, быть может, большинства предстоящих возбраняли бы им удостоиться Причастия, и если современные пастыри дерзают брать на себя ответ пред Богом, допуская их ко Причащению, то в виду общего растления христианских нравов и христианского быта, когда борьба с грехом стала несравненно труднее для сынов Церкви, чем прежде при общей ревности о спасении, когда люди взаимно побуждали друг друга к подвигам и стыдились греха один пред другим; теперь же отношение общества к грехам и добродетелям как раз обратное, и уже поэтому необходимо несколько смягчить требования епитимийника, но только в известных пределах, дабы и священнику не сгореть в одном огне с незаконно допущенным к Причастию грешником, как это сказано в 183-м правиле Номоканона. Вообще, непременно прочитай на сем поучении к пастве те слова, которые под заглавием: “Глаголет к нему”; “Внемли и сему” (три параграфа), прилагаются к главе: “Увещание от отца духовного к чаду духовному,” при сем непременно прочитай и заключительное напоминание под заглавием: “Как подобает духовным отцам наставлять исповедующихся им,” основанное на правилах Первого и других Вселенских Соборов и на 75-й главе Матвея Властаря. Затем, во избежание недоразумений, напomini предстоящим ту самоочевидную истину, что, если духовник имеет и великое дерзновение допускать к Причастию тяжких грешников, принесших искреннее покаяние, то все же он совершенно лишен права сие делать в отношении к тем христианам, которые не признают греховным какой-либо заведомый

грех свой или даже, признавая его таковым, не выражают решимости престать от него, но желают продолжать свое греховное состояние, например, блудное сожитие. Разрешение грехов и причащение Святых Таин имеет смысл только при условии решимости выйти из своего преступного, греховного состояния и исправить свою жизнь. Без такого условия Причащение будет только новым и тяжким грехом и для нежелающего исправиться грешника, и для допустившего его к Причастию духовника. Посему, пребывающих в блудном сожитии, или так называемом гражданском браке, не следует допускать ко Святому Причащению, пока они не расстанутся со своими наложницами, как таковыми.²

Причащать христиан старайся не только в Великом посту, но и в прочие, а в Великом посту не только по субботам, но и по средам, по пятницам и воскресеньям, и в Благовещенье и в Великий Четверг и в дни полиелейные, когда полагается Литургия Преждеосвященных Даров. Либо так делай, или убеди их исповедоваться не только накануне Причащения, но также и в дни предыдущие. Тогда при исповеди твое сердце не будет иметь беспокойное чувство: как я успею до ночи отпустить все четыреста человек, пришедших исповедоваться?

Старайся и о том, чтобы приходящий на исповедь непременно выслушал исповедные молитвы и печатное увещание из требника: “Се, чадо, Христос невидимо стоит.” Конечно, следовало бы все это перечитывать каждому приходящему, но, по невозможности делать так, должно прочесть эти молитвы после службы для всех говеющих, а поскольку в то время не все приходящие на исповедь бывают в церкви, то вновь повторять эти молитвы при вступлении в храм новых групп народа в продолжение всего дня. Далее, если в продолжение нескольких часов в церкви или около церкви ожидает очереди целая толпа людей, то полезно, чтобы какой-либо почтенный прихожанин, или семинарист, или школьник читали бы посменно либо отеческие наставления по Прологу, либо жития, нарочито избранные заранее, либо, что особенно полезно, “Слово св. Кирилла Александрийского о смерти, Страшном суде,” помещенное в Следованной Псалтири. Когда это Слово читают во время благословения многого народа после вечерни Прощеного дня (что длится около двух часов), то большая часть народа, уже получив благословение, все-таки не уходит из церкви, но со слезами вслушивается в грозные слова Святого. С таким же умилением христиане слушают под четверток Пятой седмицы житие св. Марии Египетской. Читать эти вещи должно непременно по-славянски и несколько нараспев, чтобы слушатели разбирали слова.

Большое количество исповедующихся не дает возможности прочесть для каждого в отдельности предварительные исповедальные молитвы, но непременно прочитай над каждым главнейшую молитву: “Господи Боже, спасения рабом Твоим” и пр., и перестань думать, будто тайносовершительная молитва, которую едва ли не большинство духовников только одну и читают, есть следующая: “Господь и Бог наш Иисус Христос,” ибо эта молитва введена в наш чин недавно, менее трехсот лет, и ее нет у греков, ни у единоверцев, а пришла она к нам от католиков. Конечно, следует теперь и ее читать, но тем паче должно повторять над каждым ту молитву, которую установила Вселенская Христова Церковь от времен святоотеческих, или даже апостольских.

Кроме сего, поясняй в каждый исповедальный день людям, что должно непременно прочесть или благоговейно прослушать все Правило ко Святому Причащению, а по при-

² В данном случае мнение митрополита Антония не разделяется всеми канонистами и известными богословами. Приравнивать гражданский брак к блудному сожительству несправедливо, если супруги хранят верность друг другу, но выросли в обстановки далекой от Церкви и потому не знают значения таинства Брака (Прим. цензора).

чащении — благодарственные молитвы, без чего последнее будет в суд и во осуждение, как Иуде. Мысли эти излагай не от себя, а читай по Учительному Известию из Следованной Псалтири и св. Симеона Нового Богослова о слезах во время Причащения.

Духовное руководство.

Мы привели в нескольких словах указания о том, как должен духовник создавать в кающихся то настроение души, настроение покаяния, веры и надежды, при которых исповедь становится плодотворной. Но ведь этого мало: заметив, что духовник болит душою за своих чад, последние будут настойчиво ожидать от него и руководственных указаний об исправлении своей жизни. Таково вообще первое требование проснувшейся совести. Иудеи спрашивали Предтечу, что им делать, чтобы войти в Царствие Божие; спрашивает о том же, о вечной жизни и богатый юноша, и законник некий, приступивший ко Иисусу; спрашивают и три тысячи свидетелей Сошествия Святого Духа на апостолов.

Русские люди не для чего другого ходят по старцам обителей, как для того, чтобы спросить у них указания пути в Царствие Небесное; встречая о. Иоанна Кронштадтского на вокзалах, в церкви, на улице, они хватили его за рясу с мольбою: “Батюшка, научи меня, чтобы не ругаться, научи, чтобы с женой не ссориться; скажи мне, идти ли мне в монастырь или жениться.” На такие неожиданные вопросы среди толпы теснящихся людей трудно что-либо разумное ответить, даже и опытному духовнику; но наши духовные отцы испытывают еще большую трудность и на исповеди, даже неторопливой, — потому что у большинства из них нет духовного опыта, а заимствовать таковой у святых Отцов Церкви они не потщились, в духовной же школе не мог их тому учить штатский учитель, предпочитающий быть не служителем Церкви, а титулярным советником, и помышляющий только о том, как бы с постылого еще в детстве учебного предмета пастырского богословия перейти на гражданскую историю или хотя бы латинский язык.

Что же я должен читать, чтобы приобрести мудрость духовную? Читай многое, но знай, что все-таки главное средство научения есть внимание себе, проверка жизни собственной души, благоговеющая молитва и сострадательное, исполненное любви наблюдение над душами окружающих тебя, твоей паствы, твоей семьи, твоих знакомых.

А что же читать? Читай прежде всего Библию, одновременно из 1) Закона и Царей, 2) из Пророков и Премудрости, 3) из Нового Завета. Читай ежедневно, хоть по полчаса. Если заставишь себя два раза таким способом пройти Библию, то дальше будешь уже перечитывать ее по своей охоте; кто три раза прочитал Святую Библию, тот даже нехотя делается религиозным философом и нравоучителем.

Впрочем, это важно главным образом для общего духовного развития священника, а непосредственно для руководства кающимися существуют отеческие творения. Но, принимаясь за них, советую тебе прежде всего усвоить ключ к разумению духовной жизни, т.е. прочитать со вниманием и, пожалуй, не однажды книгу “Путь ко спасению” Преосвященного Феофана Затворника, а затем берись за Пролог. Однако читай его не подряд, но если тебе надлежит скоро приступить к совершению исповеди, то выискивай по оглавлению статьи, соответственные человеческим немощам и страстям и научающие бороться с ними; они перечислены в конце сей книги.

Указываю на преимущественное значение Пролога для советов кающимся, во-первых, потому, что эта книга имеется в большинстве церквей, исключая недавно построенные, а главным образом — книга эта, как еще “Лимонарь” Софрония Иерусалимского, или “Луг Духовный” Иоанна Мосха, или еще подобные сборники “достопамятных сказаний об

отцах,” излагает правила благочестия в притчах, как Спаситель, или в событиях из жизни праведников, которые гораздо легче воспринимаются, чем прямые наставления, и дольше запоминаются, — большей частью, на всю жизнь. Приведу хотя бы один пример: монах, долго боровшийся с искушениями посредством тяжких подвигов, изнемог духом и стал молить Бога облегчить тот жизненный крест, который на него возложен: неужели невозможно прийти мне до Небесного Царствия и духовного совершенства менее тяжким крестом? — Явился Ангел и ввел его в обширную горницу, на стенах которой висели многие разнообразные кресты: тяжелые железные и более легкие деревянные; среди тех и других были очень большие кресты, меньшие и совсем малые. “Господь услышал твою молитву, — говорит Ангел, — и разрешил тебе самому избрать себе крест.” — “Да простит ли Бог, — сказал отшельник, — что я, исполненный многолетнею борьбой, беру себе теперь вот этот, самый маленький, деревянный крестик?” Тогда Ангел ему сказал: “Это тот самый крест, который ты носил до сего дня и который почитал для себя утомительным, все прочие кресты несравненно тяжелее.” Тут монах понял свое неразумие и принес покаяние, познав, что Господь никогда не возлагает на людей непосильного бремени, только христианин должен его принимать с покорностью и молиться о благодатной помощи.

Если духовник усвоит себе содержание подобных повествований по Прологу и будет постоянно почитать хотя бы эту и несколько подобных книг, то научится весьма основательно руководить христиан в борьбе с грехами и страстями. Но есть целая библиотека таких духовных врачеваний. Такова прежде всего святоотеческая хрестоматия в пяти томах, называемая “Добротолюбие,” собранная тем же Преосвященным Феофаном Отшельником. Тома эти можно приобрести в отдельности, и особенно полезны первые два, в коих собраны творения самых великих подвижников: Антония, Пахомия, Исаии и прочих. Одна из наиболее разработанных тем у Отцов — это учение о восьми главных страстях человеческого сердца и о борьбе с ними. Если не имеете возможности приобрести теперь Добротолюбие, то те же Отцы имелись в отдельной продаже. Особенно полезна книга преподобных Иоанна и Варсонофия, заключающая в двух выпусках “Ответы” на вопросы иноков о предметах благочестия, также “Лествица” Иоанна, игумена Синайской горы, в которой есть и особое слово, или послание, “К пастырю.”

Из современных сочинений имеется “Наставление священнику при совершении тайны исповеди” архиепископа Костромского Платона, написанное лет шестьдесят тому назад, но это наставление довольно формально и схоластично. Более практичны примерные “Вопросы кающимся” митрополита Ионы, Экзарха Грузии, которые имелись в рукописи у многих монастырских духовников и едва ли не были затем отпечатаны.

Впрочем, духовник не столько о том должен заботиться, чтобы иметь совершенно готовый печатный материал для руководства исповедью, сколько о том, чтобы вообще погрузить свое внимание в эту область душевной патологии и терапии, раскрытой святыми подвижниками. Тогда он приложит к ней и собственную самодеятельность, будет пользоваться опытом Отцов сознательно и применительно к тем состояниям души, которые будут ему открываться прихожанами на исповеди и вообще на духовной беседе.

Духовное Врачевание, Неверие и Маловерие.

В своих академических лекциях по пастырскому богословию мы излагали наставление о том, как назидать на исповеди людей различных настроений и различных положений в сей жизни. Конечно, и тогда мы не имели притязания на перечисление всех разнообразных условий внутренней жизни и внешнего положения христиан, условий, разнооб-

разных до бесконечности: в настоящем же своем пребывании, вдали от тех коротеньких конспектов, которые мы составляли для чтения лекций, мы беремся изложить только немного, что сохранили в своей памяти из того, что было нами заимствовано из творений отеческих и собственного духовнического опыта.

Возьмем сначала самые острые случаи. Исповедующийся заявляет, что он неверующий. Теперь такой, пожалуй, и не пошел бы на исповедь, но тогда (я преподавал до последнего года XIX века, т.е. до весны 1900 года) он объяснял бы свой приход требованием государственного закона для офицеров и чиновников, или требованием школы от учащихся, или, наконец, настоянием родителей или жены, или соблюдением принятых в семье обычаев. Я уверен, впрочем, что и в настоящее время торжествующего нигилизма такие люди нередко появляются в исповедалне. Их прежде всего надо спросить, желают ли они серьезно и искренно говорить с духовником, или только пришли посмеяться; в последнем случае их должно просто отослать прочь. Если же он на твой, непременно ласковый и участия исполненный, вопрос ответит, что желал бы убедиться в истинах веры или, по крайней мере, проверить свои убеждения, то, конечно, лучше предложить ему иметь предварительно беседу в другом месте, особенно, если ваш собеседник человек уже взрослый и образованный. Если же ты заметишь, что неверие его только мнимое или налетное, и почувствуешь, что его можно вразумить в несколько минут, то спроси его, почему он потерял веру, от чтения ли книг, и каких именно, или от некоторых потрясений душевных — разочарований, несчастий, не принятых Богом молитв (это особенно часто бывает у женщин) или иных причин. Если он назовет Толстого или Ренана или иных писателей, как виновников потери им веры, то скажи: Конечно, эти книги стараются убить веру в людях, но не может быть, чтобы они явились достаточной причиной твоего неверия; наверно, ты не поинтересовался почитать ни одной книги в защиту веры или хотя бы одну, посвященную опровержению названных мыслителей. Сознайся, что ты и за книги те взялся, желая отделаться от веры; а если и не так, то все же еще до чтения тех книг тяготился религией, ибо, если бы не тяготился, то не расстался бы с ней так легко, а с сердечной болью искал бы человека или другие книги, которые бы могли рассеять твои сомнения; не искал ли ты, напротив, таких книг и таких собеседников, которые бы могли упразднить и остаток твоей веры? А почему ты начал ею тяготиться, и когда? Не тогда ли, когда потерял целомудрие или хотел потерять его, а вера и совесть тебя останавливали, и ты возненавидел их, как шаловливый школьник ненавидит своего надзирателя. Не разум, а распутство бывают врагами веры, как сказал Господь: *Ибо кто постыдится Мене и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном* и пр. (Мк. 8:38). Не сказал: в роде ленивом или корыстолюбивом, но прелюбодейном, ибо знал, где и откуда начинается вражда против Бога. Много людей читали твоего Толстого и Ренана и не потеряли веры, а иные составляли подробные опровержения, одни на этих писателей, другие на Дарвина, Маркса и т.д. Какие я знаю опровержения, вот я приведу тебе их, а какие не знаю, спрошу для тебя у знающих людей, если ты желаешь действительно вникнуть в эти вопросы, а не просто прикрываешь свою распущенность наименованием книг и философов.

Итак, ты осознал, что не книга, а злая воля отвела тебя от Бога. Покайся пред Ним, а если ты очень далек от Него, то перед собою самим признай свою тяжкую вину против правды и совести и тогда получишь желание просить у Бога отпущение твоего греха, твоего отречения от своего Искупителя. Если ты и теперь исполнен такого покаянного чувства, то помолимся, я прочитаю над тобою разрешение, но о том, чтобы приступить к Святым Тайнам, подумай прежде. Если возвратит Господь веру и упование в твое сердце, то

причастисься, а если дух неверия останется в нем, то отложим это дело, но не отлагай размышления и расследования о том, что всего важнее на земле и что одно только останется при расставании нашем с землею. Ты сказал, что признаешь только факты, но смерть есть факт несомненный. Скажи, есть ли какой смысл в нашей жизни, если она кончается здесь в то именно время, когда душа исполняется зрелостью и жаждет разума? Есть ли какой смысл во всем добром и великом, если нет Бога, ибо тогда ведь не останется и разницы между добром и злом, что принуждены были признать все отрицатели, кончая пресловутым Спенсером. Верь, что отрицать Бога и принять эти выводы о добре и зле, о бессмысленности жизни никто искренно и продуманно не может, и слова отрицания у людей — одно бахвальство и желание отделаться от укоров совести.”

Таковыми и подобными словами, но исходящими от сердечного сочувствия и соболезнования, человека можно привести в чувство и нередко такой мнимый атеист тут же признается в своем жалком заблуждении и будет просить отпущения; но если сего не произойдет сразу, то все же он поникнет головой, задумается и не откажется вновь продолжить беседу с духовником вне храма или пойти к такому человеку, который может, по твоему мнению, рассеять его недоумения. Конечно, я далек от мысли, будто подобная беседа может сделать перелом в душе всякого заявившего духовнику о своем неверии: одному надо говорить так, другому — иначе. Но я привожу пример того, как голос пастырской любви и обстановка исповеди дают тебе возможность повести речь о вере и неверии в совершенно иной плоскости, чем обыкновенно, когда начинают говорить о книге или нападают, хотя бы и справедливо, на неверующего автора, названного собеседником. Последний тогда начинает изощряться в софизмах, чтобы защищать своего учителя. А здесь ты призываешь человека к тому, чтобы он подверг суду себя самого и признался в тех греховных побуждениях, которые привлекли его внимание и симпатии к врагам Божиим, оторвав его от Бога.

Если неверующий твой собеседник мало поддастся от своего упорства, или даже, при всем твоём миролюбии, рассердится и начнет браниться, все же приложи всяческое старание, чтобы он не считал этой беседы последнею, а пришел бы снова к тебе или к такому более осведомленному учителю, к которому ты его направишь. Знаешь, у Гоголя в одном фантастическом рассказе душа спящей девушки отделяется от нее и говорит, кажется, какому-то колдуну: “Маруся (имя я, наверное, путаю) и десятой части не знает того, что знает ее душа.” Если кто, почитающий себя неверующим, пришел к духовнику, то, значит, в душе его, неведомо для него самого, еще много осталось желания возвратиться к вере, хотя имеется и противоположное желание отдалиться от веры. Не отпускай такого человека далеко от своего пастырского глаза и знай, что, чем резче и сердитее он говорит с тобою, тем сильнее борется в нем его душа, его совесть с бесом неверия и противления Богу. Разнообразны случаи обращения неверующего к живой вере и молитве, но редко они являются плодом постепенного опровержения всех воспринятых им лженаучных возражений против бытия Божия или бессмертия души. Обыкновенно, после внутренней, при том же умственной и нравственной, борьбы перелом наступает сразу, и человек даже интересоваться перестает опровержением прежних отрицаний, а сбрасывает с себя прежние теории как ненужную шелуху, как пустые софизмы. Ясно, что и неверие только подпиралось ими, а исходило от озлобления или непокорства, а теперь, смягченная словом пастырской любви, душа сама нашла светлый выход из своего темного погребца и воспарила в молитве к Богу. Конечно, было бы не хуже, если бы кающийся подробно и основательно изучил все сказанное или написанное за и против его прежнего противобожного учения;

но только немногие согласятся на это, а охотнее начнут вчитываться в слова Господни, вслушиваться в церковные молитвы и подвизаться в делах любви. О, как ты блажен, слушатель Божий, если нашел ключ, чтобы отворить вход в душу и сердце такого человека и открыть ему правдивый взор на самого себя, как это произвел Господь в душе Закхея, который сам понял, что ему нужно для жизни в Боге: *половину имения моего, Господи, я отдам нищим и, если кого чем обидел, воздам вчетверо* (Лк. 19:8). Значительно легче духовнику преодолеть частное неверие или маловерие кающегося. Многие сознают, что они не могут убедить себя в том, что Причащение есть истинное Тело и истинная Кровь Христовы, а также поверить в различные чудеса святых угодников, в посты, в существование диавола и т.п. Такого вида неверие почти всегда основывается на легкомыслии, на привычке легковерно повторять то, что можно постоянно слышать в мирских беседах людей неразумных. Духовник должен предложить сомневающемуся вопрос: во что он собственно верит твердо: в Евангелие? В слова Христовы? — Да! — А все эти сомнительные для него вопросы ясно и определенно выражены Самим Спасителем в словах, которые он забыл или никогда не вникал в них. Или отвергни веру в Самого Бога, Господа Иисуса Христа и Его слова, или верь так, как Он научил нас: ведь никакая география, ни этнография, ни зоология не может тебе сказать, существует ли диавол или нет; будешь вести благочестивую жизнь — сам узнаешь разницу между искушением от диавола и от собственной злой воли, а пока верь своему Спасителю и не верь тем лжецам или глупцам, которые утверждают, будто бесноватые были просто эпилептики: неужели Господь эпилепсию вогнал в свиное стадо? И не Он ли различал искушения диавольские от искушений малодушия и страстей, например, в притче о Сеятеле? — О постах: не Его ли слова: *когда поститесь и пр... — и воздаст тебе явно* (Мф. 6:16-18), *когда отнимется у них жезл; и тогда будут поститься в те дни* (Лк. 5:35), *сей род не может выйти иначе, только от молитвы и поста* (Мк. 9:29). — Кроме того, останови непременно внимание сомнеющегося на словах Христовых в Прощальной беседе. *Верующий в Меня дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит; потому что Я к Отцу Моему иду* (Ин. 14:12). — Если веришь чудесам Христовым, если не считаешь Его бесчестным обманщиком, то ты должен верить и этим Его словам, подтвержденным перед Его вознесением: *Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: и пр.* (Мк. 16:17). Неразумные протестанты веруют тем чудесам, которые совершены апостолами по сказанию книги Деяний, но не веруют тем, которые изложены в их житиях. Почему? Или из приведенных обетований Христовых одно не должно было сбыться: *и если что смертное выпьют, не повредит им?* (Мк. 16:18) Ведь о подобном чуде в Священном Писании нет сообщений, а есть такое в житии апостола Иоанна, которого тщетно пытались умертвить вкушением яда: последний нисколько не повредил апостолу. Сомневающимся в истинном Причащении повтори не только слова Христовы на Тайной Вечери, но и слова Его о хлебе, сходящем с небес (Ин. 6:50), которых они, наверно, не знают. Кроме того, приобрети и давай людям читать небольшую, но очень убедительную брошюру святителя Димитрия Ростовского “К сомневающимся об истине преложения хлеба и вина в Тело и Кровь Христову.” Точного заглавия я не помню, но она продавалась во всех монастырских книжных лавках. Обычные сомнения в Святом Таинстве там рассеиваются замечательно просто и ясно..

Духовная мнительность.

Есть и другие предметы веры, не принимаемые без труда некоторыми христианами: всех их перечислить невозможно, но надеемся, что и на этих четырех примерах усердный духовник научится, как бороться против всех подобных сомнений христиан.

Еще более необходимо ему различать неверие или сомнение действительное от неверия и сомнения мнимого или кажущегося, которое неопытных христиан иногда тяжело угнетает и ставит в беспомощное положение. Иной верующий и молящийся христианин сетует пред духовником так: временами я верую в Причастие, временами я верую в Бога, временами как будто вовсе не верую. Ответы на подобное сетование я поместил в последнем или предпоследнем номере Приходского Листка, издававшегося при Св. Синоде, в феврале 1917 г., а затем в 4-ом дополнительном томе своих сочинений (Киев, 1918 г.) в “Письме к священнику о поучении молитве.” Такие помыслы неверия возникают в душах людей мнительных, любящих перещупывать все свои ощущения и исполненных постоянной суетной боязни, как бы в чем не промахнуться, как бы не оказаться в чем либо неисправными. То им кажется, что они больны сами, или их дитя начинает хворать или вот-вот захворает и т.п. Нередко они впадают в еще большую беду, в так называемые “хульные помыслы,” когда в их голове, совершенно против их воли, с мыслью об имени Христовом или Богородицы складываются те или иные ругательные слова, и конечно, чем они больше борются против таких нелепых сочетаний, тем последние настойчивее теснятся в их голову. Неопытные люди с ужасом начинают считать себя богохульниками, а неопытные духовники начинают им говорить о тяжком грехе богохульства, о хуле на Святого Духа, как наибольшем из всех грехов. После этого те бедняжки сейчас же начинают испытывать прилив ругательных выражений на Святого Духа, мучаются, худеют и даже помышляют о самоубийстве, мысля себя все равно уже погибшими во веки. И не поможет духовник мучимым помыслами, пока они не встретятся с более осведомленным в духовной жизни человеком, который разъяснит им, что лучшее лекарство имеется во всякой духовной книжной лавке и стоит недорого; оно называется в брошюрке того же святителя Димитрия “О хульных помыслах,” где со слов древних великих Отцов поясняется, что таковые помыслы, не будучи плодами ненависти против Бога и святых, а просто сочетаниями ругательных слов или звуков в голове мнительного человека, вовсе не составляют греха, и на них не должно обращать никакого внимания, а спокойно молиться и приобщаться, какие бы глупые слова или образы ни теснились в голове.

Подобное же значение имеет кажущееся человеку по временам неверие в Причастие, даже в Самого Бога. Вера есть чувство очень тонкое, духовное. Как бы она ни была присутствующа нам, но если мы будем ее ощупывать в себе, как бы давая себе отчет во всех качествах нашего чувства к Богу или к Божией Матери, то это чувство как бы испаряется на время из области нашего непосредственного ощущения, но, конечно, не из нашей души и сердца. Поступите так даже с самыми грубыми ощущениями, ущипните больно свою руку и начните соображать в это время, чем эта боль отличается от зубной, от головной, — и вы перестанете даже ощущать свою боль. Один немецкий философ, страдая мучительными приступами зубной боли, именно таким способом переставал ее ощущать. Посему и христианин, если в его убеждениях нет каких-либо определенных опровержений истин веры, не должен думать, что в нем нет веры, хотя бы ему так и казалось временно, а должен спокойно молиться и приступать к Святым Таинам, не придавая никакого значения своей мнительности, которая только усиливается при нарочитой борьбе с нею.

Страх сознаться в грехе.

Некоторые монастырские духовники поведали мне, что Бог им помогал добиться от кающихся признания в таких грехах, которые они не решались открыть на прежних исповедях в продолжение десяти, двадцати лет, а потому мучились целую жизнь и считали себя погибшими для спасения, зная слова Церкви: “Аще ли что скроеши от мене, сугуб грех имаши; внемли убо, понеже пришел еси во врачевницу, да не неисцелен отыдеши” Грехи эти бывают или очень постыдные и грязные, противостественные по 7-й заповеди, например: кровосмешение, скотоложство, детораствление (все это бывает весьма часто, и притом иногда у людей, которые пользуются уважением окружающих), или преступные в уголовном смысле: убийство, детоубийство, воровство, грабеж, попытки отравления, злостное оклеветание из ревности или зависти, внушение ненависти к близким, возбуждение ближних против Церкви и веры и т.п. Если духовник прямо поставит вопрос о таком грехе, то кающийся, пожалуй, не отречется, но сам сказать своего преступления не решится. Между тем, предлагать каждому вопросы о всех таких гнусных грехах тоже невозможно. Должно, по окончании обычных вопросов, ласковым и тихим голосом сказать: “Может быть, есть грех, в котором тебе совестно сознаться? Может быть, ты что-нибудь не решился сказать о своих грехах на прежних исповедях или забыл, а потом вспомнил и уже не осмеливался сказать духовнику?” Весьма возможно, что прихожанин ответит утвердительно, но все же будет колебаться высказать, в чем именно было дело. Иногда в это время у них (особенно у женщин) начинается плач и дрожь, они покрываются потом, а говорить не решаются. Тогда умножь свою ласку и участие и говори: отложи стыд, чтобы не быть постыженным на Страшном Суде пред всеми, а здесь, кроме меня и Ангелов, никто ничего не узнает, а нашего брата священника грехом не удивишь; мы за день наслушались таких вещей, что удивляться нам уже нечему. Если исповедывающийся все-таки не решится прямо сказать, в чем дело, то скажи ему: “Ну вот, тебе легче будет признаться, если я тебя буду спрашивать по заповедям: касается ли твой грех седьмой заповеди против плотского наслаждения? или воровства или злодеяния людям? или богохульства? и т.д. Когда будет дан обычный ответ на род греха, тогда спрашивай уже, какой именно грех, и перечисляй грехи. Люди простые назвать даже иногда своего греха не сумеют; тогда спрашивай описательно, и когда кающийся, познав в твоём лице не грозного обличителя, а сострадающего ему друга, наконец скажет о своём преступлении, не ужасайся и не негодуй, ибо он сам себя довольно укорял, а только посетуй, зачем он раньше не сказал о сем, зачем скрывал на прежних своих исповедях: ведь он мог умереть не сознавшись и навсегда погубить свою душу; лгущие на исповеди обыкновенно оканчивают свою земную жизнь самоубийством; пусть же грешник уже в том усматривает Божие к себе милосердие, что Господь не лишил его возможности исповедать свой грех. Затем скажи ему, какая епитимья и сколь долгое лишение Святого Причастия полагается за сие по Номоканону; но, если видишь глубокое раскаяние человека, и если грех совершен давно, то рассуди, не допустить ли его к Причастию завтра же, и потребуй от него немедленного или постепенного заглаждения последствий греха: если он что незаконно себе присвоил, пусть возвратит; если кого обесчестил, пусть удовлетворит, или испросит прощения; если наплодил незаконных детей, пусть содержит их и т.д. Затем, если человек растроган и видимо желает освободить совесть свою от греха, положи ему епитимию, предварительно спросив его, молится ли он вообще, бывает ли в церкви, и если ни того, ни другого не делает, то, конечно, не будет смысла накладывать на него посты, но дай ему в виде епитимии завет хоть три-четыре молитвы читать утром и вечером и постоянно с покаянием вспоминать перед

Богом о своем падении. Если же он человек религиозный, то назначь ему канон или богомоление в отдаленной обители, но предварительно узнай обстоятельства его жизни и быта, а не прорекай епитимии как пророк, но прилагай врачевание с разумом.

К епитимиям мы еще, вероятно, вернемся, а теперь уместно сказать о том, что должно не менее, чем окамененного нечувствия, опасаться уныния и отчаяния в кающихся. Эти чувства гнетут их после грехов непоправимых, например: детоубийства или истребления плода, причинения кому-либо непоправимого вреда, несчастья, а иногда люди подвергаются унынию просто по причине собственных горестей — смерти детей, почитаемой наказанием Божиим за прежние грехи, запутанных обстоятельств и т.п. Исцеление духовных чад от этих демонских искушений — уныния и отчаяния, достигается не столько пояснением истин Божиих, как, например, напоминанием о спасении Благоразумного Разбойника, Закхея, блудницы и т.п., сколько явлением братского участия и сострадания человеку: “Если мне тебя жаль, то Отец ли Небесный тебя не пожалеет? Знай, брат, что уныние от диавола, почему мы и молимся в посту с земными поклонами, чтобы Бог не допустил нас до уныния. При сем имей в виду, что уныние и отчаяние всегда имеют в себе скрытый яд гордыни или самолюбия, как бы начаток некоего ропота и укоризны Промыслу, что попустил тебя впасть в беду или грех. Отгони от себя это озлобленное чувство на Бога или на людей, вникни в себя самого и признайся, что сам ты кругом виноват в том, что поддался злым наветам диавола или злых людей и опустил, что не Бог тебя дал в обиду, а сам ты обидел Бога, согрешив против Него и отвергая многократную Его вспомоществующую десницу. Тогда тяжелый камень озлобления свалится с твоего сердца, а с ним отпадет и уныние, и ты уже с умиленным сокрушением вознесешь ко Господу покаянную мольбу, а затем и радостное благодарение.”

Самооправдание.

Противоположное отчаянию и более часто испытываемое людьми настроение — беспечность и окамененное нечувствие — тоже не легко поддается врачеванию. Конечно, оно близко граничит с маловерием, менее решительным, чем сознательное сомнение философа или резонера, но не менее, если не более, упорное. Лев Толстой в своей “Исповеди” пишет, что только в этот 50-й год своей жизни он начал задумываться над вопросами совести и вечности, а раньше ему было не до того: он жил “запоем жизни,” переходя от одного увлечения к другому и глубоко не вникал ни во что вечное. Так и на исповеди люди признаются в совершении блуда, в причинении обид жене и родителям, в обмане, в полном удалении своей жизни от храма Божия, но с таким легким сердцем, что ясно видишь, как это все им нипочем, и что они и не думают начать борьбу с этими грехами. Так им и сказать должно: “Хотя грехи ваши сами по себе тяжкие и требовали бы лишения вас Святого Причастия на столько-то лет, но еще страшнее то усыпление вашей совести, в силу которого вы, видимо, не испытываете покаянной скорби о грехах.

Знайте, что Святое Причастие может быть вам преподано лишь по обещанию вашем эти грехи возненавидеть и начать против них борьбу. Иначе не только не будете достойны Святого Причащения, о чем, может быть, вы, в настоящем своем настроении, не очень бы и печалились, но на теперешних грехах своих вы не остановитесь. Ведь все мировые злодеи, все уголовные преступники не родились убийцами и грабителями, а до первого своего преступления отличались от обыкновенных грешников только тем, что несколько не принимали к сердцу своих ошибок и грехов, не раскаивались в нанесенных ближним обидах и при всех обращаемых к ним укорах от старших и товарищей обвиняли кого-либо

другого в происшедшем, как Адам и Ева по своем грехопадении. Так и ты, пока был невинным, то презирал блудников, а когда пал, то начал себя оправдывать, а затем, привыкнув к этой мерзости, даже хвалиться ею, а еще дальше — осмеивать тех, кто блюдет целомудрие. Подобным же образом усыпляется светским рассеянием и порочным товариществом совесть, вырастает и в прочие грехи, пороки, страсти все глубже и глубже и уже близко становится к тому, чтобы спокойно дерзать на преступления уголовные.”

Увещевая так людей беспечных, священник должен, как в этом случае, так и вообще при исповеди, да и при общих назиданиях пастве, особенно настойчиво предостерегать ее от духа самооправдания, который является одним из главнейших врагов нашего спасения. — Проповедь Спасителя и Его апостолов одни люди принимали, другие отвергали. Среди тех и других были и тяжкие грешники, и люди праведной жизни. Какими же свойствами душ их определялось принятие или отвержение спасительного Евангелия? — А почти всегда именно этим: кто имел дух самооправдания, почитал себя достаточно порядочным человеком, тот отвергал проповедь покаяния, проповедь Евангелия; а кто почитал себя виновным пред Богом и людьми грешником, тот принимал ее и спасался, как Закхей, как Благоразумный Разбойник.

И среди христиан уверовавших спасающиеся и погибающие, или далекие от спасения, различаются не числом грехов, а склонностью или несклонностью признавать себя виновными и грешными. Ты чувствуешь горькую обиду на ближнего, ты убежден, и может быть, справедливо, в том, что ты неправильно лишен должности или повышения, что ты оклеветан, что твои заслуги не признаны. Допустим, что это так. Требовать от тебя полной нечувствительности ко всему этому пока невозможно. Но, принимая к сердцу полученные обиды, еще более крепко помни и оплакивай в душе те стороны этих событий, в коих ты сам погрешил ленью, злобой, ложью, неуступчивостью и пр. Обидами, нанесенными тебе от других, ты не оправдаешься перед Богом, а за собственные провинности ответишь, и особенно в том случае, если не пожелаешь в них признаться с покаянием. Пусть Господь тебя оправдает за твое покаяние, а сам не оправдывай себя перед Ним, а обвиняй. — Когда святителя Тихона один совопросник ударил по лицу, не находя словесных возражений против его доводов о вере, то святой сам пал к его ногам и просил прощения в том, что не предостерег его от такого греха, как ударить в лицо архиерея Божия. Готовность винить себя, а не других — это великая добродетель, не только в очах Божиих возносящая человека, но и привлекающая к нему сердца людей. Убеждай, духовник, твоих духовных чад более всего бороться с духом самооправдания и обвинения других и поясняй им, что если кто с таким же духом приходит на исповедь, то никакой пользы не получит от Святого Таинства. Польза последнего зависит от степени сокрушения сердечного. Пусть никто не успокаивает себя своею честностью, верностью жене, или даже девством; пусть он свободен от тяжких падений, но каков бы он был, если бы подвергался таким искушениям, как его падшие братья, если бы не получал в жизни тех добрых влияний от людей и книг и тех даров Божиих, которых были лишены другие? Быть может, последние в твоих условиях проявили бы несравненно более собственной благой воли к духовному совершенствованию и процвели бы различными добродетелями и подвигами. Взирай не на тех, которые тебе кажутся худшими тебя, а взирай на тех, которые бодрее тебя подвизаются для спасения души, и все-таки проливают постоянно покаянные слезы. Если их проливал и великий Ефрем Сирийский, сподобившийся видений от Бога, то как же нам, грешным, быть чуждыми духа постоянного покаяния и самоукорения? Такими словами увещевай и всю твою паству, но особенно тех, которые без покаянного сокрушения предстанут пред

тебя на святой исповеди. Без многих добродетелей можно спастись, говорит святой Симеон Новый Богослов, но никто не спасся, не стяжав дух умиления, т.е. умиленного покаяния о своих грехах и радости о Божием милосердии.

Духовная прелесть.

Если человеческая безрелигиозность, или малорелигиозность, выражается в маловереии и беспечности, то неогражден от духовных недугов бывает и благочестивый человек, если не имеет мудрого руководителя, в лице живого человека — пастыря, или в лице духовного писателя. Недуг этот называется прелестью, или духовным самообольщением, под коим должно разуметь мнимую близость к Богу или вообще к чему-либо Божественному и сверхъестественному. Такому самообольщению подвергаются иногда и усердные подвижники в обителях и еще чаще, конечно, ревностные к внешним подвигам миряне. Превосходя своих знаемых подвигами поста и молитвы, они уже мнят себя зрителями Божественных видений, или, по крайней мере, благодатных сновидений; во всех случаях своей жизни они видят особые, нарочитые указания Божии или Ангела Хранителя, а затем уже воображают себя особыми избранниками Божиими и нередко пытаются предсказывать будущее. Святые отцы ни против чего не вооружаются так горячо, как именно против этого недуга — духовной прелести.

Духовная прелесть опасна для души человека, если она скрывается в нем одном, но она опасной и губительной бывает и для всей местной церковной жизни, если охватит собою целое общество, если окажется где-либо духовной эпидемией, если выразится в целом направлении жизни прихода, округа, епархии или епархий. В Российской Церкви оно так именно и бывает, как в Великороссии, так и на Украине, как в простом народе, так и в глаголемом просвещенном обществе. Эта зараза, под разными именами, начала усиленно развиваться по пределам Российской поместной Церкви тому назад лет тридцать, а ко времени последней войны охватила собою все концы бывшей Русской Империи. В Петербурге, в Москве, на низовьях Волги и в Сибири явились иоанниты, провозгласившие покойного о. Иоанна Кронштадтского перевоплотившимся Христом и некую Матрену Киселеву Богородицей. На смену одного Христа явились другие, в Петрограде — Чурсиков, в Москве и Самаре Колосков, и т.п. Слободская Украина создала Стефана Подгорного — странника, затем принявшего монашество и выдававшего себя за Бога; Подолия и Бессарабия провозгласила Христом полуграмотного и пьяного иеромонаха Иннокентия — молдаванина; в Киеве начал проповедовать новую веру тоже необразованный монах Спиридон, выслуживший себе по военному времени сан архимандрита; в Сибири иоаннитство получило особенно фанатичный характер, и увы, даже на св. Афоне начало разрастаться весьма вредное движение духовной прелести, известное под названием именовбожничества.

Среди высшего общества выдавал себя за Христа Распутин; а учение о перевоплощении или необуддизм с его чрезвычайно легкими способами мнимого общения с миром сверхъестественным можно назвать едва ли не господствующим направлением в современном обществе. Основною почвою для него являются сочинения Л. Толстого и Вл. Соловьева, которого одна писательница (Шмидт) тоже представляла себе едва ли не перевоплощенным Спасителем, а писатели декаденты, составляющие уже давненько большинство современных художников слова, хотя сами по себе атеисты или пантеисты, но также не без успеха выдают себя за посредников с божеством или с богами.

Война, а еще более революция, значительно охладила пыл и этих самообольщенных людей и сознательных хитрых обольстителей, но подобная духовная зараза слишком глу-

бока, чтобы ее могли совершенно уничтожить даже самые радикальные политические перевороты. Болезнь эта еще будет продолжаться, и тем более, что ни один народ не представляет собою такой благоприятной почвы для влияния самозванных пророков и тайновидцев, как русские. Справедливо говорил один из героев драматурга Островского (в драме: “На всякого мудреца довольно простоты”), что у нас может прослыть за пророка всякий, кому не лень и не стыдно выдать себя за такового; как бы ни обманывались люди в его предсказаниях, они не разуверятся в его ведении, а неудачу пророчества будут изъяснять своим непониманием, а лжепророка или лжехриста будут по прежнему окружать почетом, славою и всевозможными приношениями. О гибельных последствиях увлечений этим хлыстовством все знают; начинается оно с подвигов поста и молитвы, а кончается безобразным развратом, или так называемым свальным грехом.

Конечно, бороться с этим грехом, вообще с хлыстовщиной в ее целокупности духовник не может. Он может только отдельных христиан вразумлять и предостерегать от впадения в эту духовную пропасть, лишь только заметит в ком-либо склонность к видениям, предсказаниям и т.п. Кроме самой исповеди, должно в проповедях пояснять, что такое духовная прелесть и что такое хлыстовщина (мое послание о сем отпечатано в журнальчике “Свет Печерский” летом 1918 года); а когда духовник заметит, что исповедует хлыста, или иоаннита, или вообще человека, склонного к прелести, то пусть расскажет ему в двух словах (из жизни Святогорца о св. горе Афонской, из Аввы Дорофея, или из Лествицы, или из Пролога), как диавол обольщает христиан и даже монахов мыслями о том, что они сподобляются видений, и как затем постоянно ослепляет их совесть, внушая им убеждение в мнимой святости и обещая им чудотворную силу; он возводит таких подвижников на отвес горы или на крышу храма и представляет их взору огненную колесницу, на которой они будут взяты сейчас на небо. Самообольщенный подвижник заносил на нее свою ногу и обрушивался в пропасть, разбиваясь насмерть без покаяния. Если исповедующийся будет рассказывать о бывших ему видениях, то спрашивай его, был ли явившийся с крестом, или благословил ли его крестным знамением, и если нет, то такие видения все от диавола, как поясняли только что названные отцы и духовные писатели. Да еще и апостол Павел писал, что сатана принимает вид Ангела света (2 Кор. 11:14). Впрочем, надо иметь в виду и то, что, когда хлысты узнают об этом признаке для различения истинных видений от ложных, то в новых своих сообщениях будут сразу говорить о том, что явившийся был с крестом и даже крестом благословил их. Однако, при твоих возражениях они не удержатся, чтобы не рассердиться. Тогда сейчас же поясняй им, что по учению Отцов гнев или раздражение при рассказе о видении есть признак духовной прелести видевшего и ложности самых видений. Ангелы и бесы являются святым, а мы, грешные, можем только себя и других обманывать, рассказывая о своих видениях.

Чтобы открыть глаза человеку, впадшему или впадающему в прелесть, нужно указать ему на приводимые в помянутых духовных книгах примеры гибельного недуга и на верный его признак — беспокойное состояние и даже раздражительность при обличениях. Допускать ли их к Причащению? Если они прямо утверждают какие-либо нелепости, например, о божественном достоинстве Стефана Подгорного или Матрены Киселевой, то, конечно, не допускать; но если приносят раскаяние во всех грехах и обещают проверять свои видения или сны чрез крестное знамение и ничего не утаивать от духовника, то допускать можно. Тому назад лет двадцать Российский Св. Синод предписал требовать от ведомых священнику хлыстов торжественного проклятия хлыстовских заблуждений пред Крестом и Евангелием. Это было единственное средство для опознания хлыстовской ере-

си, почему она предписывает своим последователям не признаваться в своих тайнах “ни отцу, ни матери, ни духовному отцу.” — Только пред проклятием хлыстовской ереси остановится тайный хлыст, и тогда священнику станет понятным, с кем он имеет дело, и конечно не даст ему ни разрешения грехов, ни Святого Причастия, если он откажется осудить свою ересь. Но и такого признания от хлыста добиться можно не во всей полноте. Он будет божиться, что ни к какому хлыстовскому обществу не принадлежит, заблуждений хлыстовских не разделяет, но верить ему нельзя ни в одном слове, пока он не произнесет анафемы на хлыстовское учение в его главных пунктах, которые изложены в том циркуляре Св. Синода и отпечатанном в Церковных Ведомостях.

Недуги воли и сердца. Гнев.

Таковы разнообразные затруднения для духовника, которые заключаются в убеждениях пасомых, в их неверии, маловерии, ложных верованиях и разного рода самообольщениях, или, напротив, в унынии и отчаянии. Большая часть этих духовных недугов появилась недавно, не более 50-60-ти лет тому назад, а распространилась по всем пределам Российской церкви только за последние 25-30 лет. Другим поместным Православным Церквам эти недуги почти еще чужды, особенно тем, которые находились под властью ту-рок.

Теперь пора перейти к указанию недугов воли и сердца, т.е. недугов внутри церковного общества пребывающих христиан, ибо почти все те болезни души, о коих говорено выше, ставят людей уже вне Церкви, и, по существу дела, означенные люди должны бы быть вновь принимаемы в Церковь, если приносят покаяние.

Обыкновенно, учение о врачевании души располагается древними отцами применительно к восьми или девяти основным страстям, наименование и число которых у св. учителей подвижничества почти одно и то же. Такое распознавание наших душевных недугов и их врачевание несравненно правильнее, чем принятое латинянами перечисление грехов, греховных поступков людей. Вести борьбу только с грехами, обнаружившимися в поступках, было бы так же безуспешно, как срезать появляющуюся на огороде сорную траву, вместо того, чтобы вырывать ее с корнем и выбрасывать. Грехи являются неизбежным произрастанием своих корней, т.е. страстей души. Духовные пастыри должны в своих поучениях, и особенно в поучении перед исповедью, пояснять верующим, что борьба их должна вестись против самой страсти, против греховного расположения, а ограничиваться покаянием в отдельных греховных поступках далеко не достаточно. Точно также невозможно успокаивать себя тем, что я сравнительно мало допускаю греховных поступков: необходимо воспитывать в себе постоянные благие склонности и расположения, в чем и заключается христианское совершенство или спасение. Десятословие Ветхого Завета возбраняет греховные дела, а блаженства Христовы предлагают не дела, а расположения; разве только миротворчество можно назвать делом, но ведь оно доступно лишь тем верующим, которые пропитали свою душу сердечною благожелательностью к людям. Бесконечный спор богословов Европы о том, спасается ли христианин верою или добрыми делами, обнаруживает и в том и другом лагере общее непонимание нашего спасения. Если эти богословы не хотят научиться у Спасителя правильному пониманию, то еще яснее изобразил его апостол Павел: *Плод же духовный есть любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5:22-23). Не дела, не поступки сами по себе ценны в очах Божиих, а то постоянное настроение души, которое описано в вышеприведенных словах. Конечно, должно себя понуждать и к благочестивым и брато-

любивым делам, но их ценность только относительная, как средство для поддержания и умножения добродетельных благодатных настроений, которые без соответственных подвигов и внутренней борьбы угасают, как огонь без топлива. Посему совершенно справедливо писал митрополит Стефан Яворский в своем “Камне Веры,” что вера, вопреки учению протестантов, сама по себе не понудит человека к добрым делам, разве только в отдельных случаях, которые — прибавим от себя, — будут повторяться все реже и реже, если христианин не будет упражняться в двух главных действиях духовной борьбы или подвижничества: самопротивлении и самопринуждению, — ибо иначе он потерпит кораблекрушение в вере (1 Тим. 1:19), как пишет апостол Павел, ибо только *делами вера достигает совершенства* (Иак. 2:22). Итак, и вера не есть заслуга, не вера сама по себе спасает, но она является необходимым условием для духовного совершенства, коим достигается спасение, и в этом смысле говорит Апостол, что *без веры ... не возможно угодить Богу* (Евр. 11:6). Угодность же Богу заключается именно в этих плодах Духа, о которых говорил апостол Павел, и которые выращиваются внутренней борьбой и благочестивыми подвигами, но не своими только силами, а содействием благодати Божией, подаваемой по молитве верующего.

Духовный отец должен с этой точки зрения опрашивать и наставлять исповедующихся, чтобы они поняли, что погрешают против Бога и своего спасения не только тем, что допускают или многократно повторяют греховные поступки, но и тем, что не пекутся о насаждении в душе своей христианских добродетелей и не борются против страстей, таящихся в ней и понуждающих ее к греховным мыслям, чувствам, словам и действиям.

Подходя ближе к вопросу о том, какого направления советы должен давать духовник кающимся, укажем на то, что ему надлежит открывать глаза последним на зарождающиеся у них страсти или греховные склонности, которые и будут являться постоянным и неудержимым источником прегрешений, пока не будет отведен прочь самый источник. Так, например, христианин или христианка жалуется тебе, что постоянно ссорится с домашними, не может сохранять лад с супругом или другими родственниками и признается в том, что сама тому виною, потому что постоянно приходится ей сердиться на всякое неисполнение ее распоряжений и на всякое недостаточно вежливое к себе слово или отношение. Здесь-то и следует пояснить, что ей, или ему, не “приходится сердиться,” а сердится он по греховной склонности к гневу, который есть одна из восьми главных страстей, отводящих нас от спасения. И первое действие врачевания сей страсти заключается в том, чтобы, признав ее греховность и гибельность (ибо почти все ужаснейшие преступления не имели бы места в жизни человечества, если б люди не поддавались гневу), сознать себя самого страдающим этою страстью, или ее зачатками, сознать себя духовно больным и нуждающимся в исцелении от такого недуга. Вторым лекарством против этой, как и против всякой другой, страсти должен быть, по учению св. Отцов, “праведный гнев” наш на самую страсть, а в данном случае — на самую гневливость нашу. Для того нам Творец и вложил способность гневаться, чтобы направлять это чувство на грехи свои, на страсти и на диавола, а отнюдь ни на наших ближних, ни на врагов, нас ненавидящих, ибо, говорит Иисус, сын Сирахов: самое движение гнева есть уже падение (Сир. 1:22). Но, конечно, эти способы борьбы еще недостаточны. Страсть ослаблена на половину таким сознанием, но не убита; добивайся постепенно совершенного безгневия. Разумеется, главное средство — молиться о сем утром и вечером, а также каждый раз, когда встречаешься с человеком, на которого привык ты раздражаться. Затем борись уже с самым проявлением твоей страсти, и если не можешь удерживать языка твоего от слов гневных и обидных, то прекращай беседу, т.е.

либо удаляйся от того места, где она началась, либо умолкай, либо переводи ее на другой предмет. По большей части достаточно тебе будет два или три раза поступить так, как и с той стороны последует подобное, а первые же лучи просиявшей взаимной дружественности такую отрадою лягут на души, что люди будут сами себе удивляться, из-за чего они ссорились и мучили себя и друг друга, лишаясь радости святой дружбы. Правда, не всегда бывает возможность удалить от своей семьи или общества дух гнева и пререканий: бывает, что кто-либо из близких твоих, по внушению диавола, еще более делается придирчивым, заметив, как ты смирился в своем сердце; он вместо подражания тебе проникнется, пожалуй, злобною завистью к твоей кротости, и умножит свои дерзости и злобные слова и поступки. Тогда знай, что это крест тебе от Бога, и если не имеешь возможности удалить от такого ближнего или, как говорится в духовных книгах, “дать место гневу,” то старайся, по крайней мере, сам сохранять мир и благожелательство к такому человеку, как сказано в псалме: с ненавидящими мир был мирен (Пс. 119:6). Блуди свою душу от гнева и злобной мести, а как вести себя в отношении к озлобленному ближнему, об этом рассуди особо, помолившись Богу и посоветовавшись со старшими. Иному даже не полезно показывать постоянную и безответную покорность, особенно злой жене или зазнавшемуся сыну. Иного должно наказывать, иного удалить от себя: на это тебя Бог наставит, а если ошибешься, желая лучшего, за это не будешь виновен пред Богом, лишь бы гнев не проник в твое сердце и не господствовал в нем.

Велико приобретение — безгневие: множество друзей приобретешь себе этим даром — и на небе, и на земле. Если б мы думали больше о своей душе и о ценности духовных дарований, то поняли бы, насколько последние более доставляли бы нам радостей на земле сравнительно с теми вещественными сокровищами, гоняясь за которыми, люди забывают Бога и совесть, а достигши, получают одно разочарование.

Безгневие и связанная с ним кротость есть животворный свет, который без всякого старания о том своего носителя сам разливается на окружающих и исполняет их ревности подражания. Это самое безгневие было одною из главнейших причин распространения христианства, как в первоначальные его времена, так и в жизни позднейших веропрповедников — святых Леонтия Ростовского, Стефана Пермского и др. В этом смысле слова Спасителя и еще раньше псалмопевца: *Блажены кроткие: ибо они наследуют землю* (Пс. 36:11; Мф. 5:5). Но, если приобретение безгневия и кротости не совершается в тебе так успешно, а страсть гнева, которой ты долго рабствовал, вновь и вновь одолевает тебя, сказываясь сердитыми выходками против ближних, приноси слезное о сем покаяние, дабы гнев не обратился в ненависть — самый отвратительный в очах Божиих грех, ибо *ненавидящий брата своего есть человекоубийца* (1 Ин. 3:15), как пишет апостол Иоанн в Первом Послании. Самое действенное, хотя и горькое при первом приеме лекарство против гнева и раздражительности — это просить прощения после ссоры. Горько оно для человеческой гордыни, но, если горько, то тем более спешить его использовать, ибо оно горько только для гордецов, и если оно кажется тебе столь нестерпимым, то знай, что у тебя имеется еще и другая тяжкая болезнь — гордыня. Посиди и подумай над своею душою, помолись, чтобы Господь помог тебе преодолеть себя и просить прощения и мира у обиженного тобою, если даже последний виноватее тебя.

Нужно ли говорить о радостных плодах такой победы над собою и над диаволом? Как умягчится твое сердце, как легко ему будет во второй раз, уже без борьбы, просить прощения! Это подобно искусству плавания: пока человек не решался лечь на воду и плыть, это ему кажется невозможным, и он ужасается и борется с собою, но, если раз уже поплыл, то

затем без всякого страха бросается в плавание. Обрати внимание и на обратную сторону дела: если не примиришься с ближним, то тщетны твои молитвы и бесплодно твое покаяние, а в суд будет тебе Причащение. Посему духовник должен непременно спрашивать всех исповедующихся, не питает ли он злобы на ближнего и примирился ли с тем, с кем ссорился, а если кого не может увидеть лично, то в сердце своем примирится ли с ним? Объясни при сем исповедующемуся, что на Афоне духовники не только не разрешают инокам, имеющим злобу на ближнего, служить в Церкви и приобщаться Святых Таин, но и читая правила, они должны в молитве Господней опускать слова: *“остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим,”* чтобы не быть лжецами пред Богом. Этим запрещением иноку дается напоминание, что он теперь, пожалуй, и не христианин, если не может читать молитвы Господней.

Гордыня и тщеславие.

Мы уже упомянули, что гнев бывает иногда связан с другою страстью — гордынею. Скажем теперь, что не часто гнев является самостоятельной или основною страстью в человеческом сердце. По большей части в гневе выражается неудовлетворенность другой страсти или даже случайных пожеланий человека; в последнем случае гнев называется нетерпеливостью, упрямством, которые в свою очередь бывают обнаружением общего себялюбия, небратолюбия и нежелания внимать себе и бороться с собою. Чем сильнее какая-либо страсть в человеке, тем быстрее и более бурно поддается он впечатлению гнева при неудовлетворении страсти: у тщеславных и сребролюбцев он выражается в зависти, у распутных — в ревности, у преданных объедению — в придирчивости и т.д. Вообще гнев есть показатель различных греховных страстей, и о последних можно узнавать по тому, когда человек начинает сердиться: если при разговоре о посте и трезвении, значит, он грешит страстью объедения и пьянства; если при случаях траты денег — значит, сребролюбием; если при беседах о смиренных подвигах святых — значит, он гордец и т.д. Поэтому-то мы и начали свои указания духовникам с борьбы против гнева, как невольной вывески прочих страстей. Рабство им человека выражается прежде всего в рабстве гневу, которое прорывается и у очень хитрых людей, умеющих скрывать свои страсти и замалчивать о своих привычках.

Может быть, читателю покажется, что слишком продолжительна наша речь о гневе и его греховности, но мы тут дали несколько указаний и на борьбу со всякою вообще страстью, а потому, быть может, нам удастся о прочих страстях выразить свои мысли кратко. Однако считаем нужным предупредить и такое возражение духовников: возможно ли войти на десятиминутной даже исповеди в такие глубокие недра человеческой души — люди говорят о грехах, о греховных делах своих, а я буду толковать им о страстях? — Да, толкуй им о сем прежде в поучениях, тогда на исповеди они с двух слов тебя будут понимать: эти предметы душе православного христианина, даже неграмотного, очень близки и понятны; но разумеется, на исповеди в виду кратковременности ее, говори столько, сколько можно успеть, а прочее припасай для церковной проповеди (конечно, без личных намеков) и для отдельных бесед с прихожанами. Здесь же уже в том великое дело, если устремишь духовный взор твоего прихожанина на его душу и на ее недуги, т.е. греховные страсти, расположения, а не на одни поступки.

Приводя доводы для борьбы со страстью гнева и злобы, мы касались и тесно связанной с ними гордыни и тщеславия. Однако сей враг Божий и нашего спасения не будет сражен, если воину Христову, пришедшему к духовному отцу с покаянием, не будет вручено

нарочитое оружие против сего врага. Грех гордыни у наших современников, образованных и полуобразованных, а в последнее время и у необразованных, является не падением, не преткновением, но их постоянным состоянием, причем и за грех не почитается: — что такое есть “благородное самолюбие,” “чувство собственного достоинства,” “честь,” как не эта богопротивная гордыня? Эти чувства люди называют благородною гордостью, законною гордостью, но гордость бывает только одна — бесовская, как пояснил старец Оптиной пустыни Макарий помещику, который убивался пред ним в горести о том, что его сын женился на крепостной девушке и тем оскорбил “благородную гордость” всего рода. Много я писал и говорил против этого духовного ослепления, которое, увы, отразилось даже на учебниках по нравственному богословию и приводит неразумную ссылку на слова апостола Павла, говорившего, что ему лучше умереть, чем кто-то бы уничтожил похвалу его (1 Кор. 9:15); но, кто потрудился прочитать это изречение, тот увидит, что похвала здесь разумеется от Бога и при том в будущей жизни.

Конечно, не одни наши современники страдают гордыней: от нее свободны только святые, а не распявшие своих страстей потомки Адама носят на себе эту обузу и должны бороться с нею, пока не освободятся от ее тяжести. Но беда современников наших в том, что они не считают грехом того, что проклято Богом, как укоренившиеся в развратной жизни не почитают за грех ни блуда, ни прелюбодеяния. Напротив, юношу, который отличается незлобием и не мстит обидчикам, даже родители нередко осыпают укором и насмешками как человека ничтожного, не защищающего свою честь. Вероятно, такому же пренебрежительному отношению подверглись бы у наших современников Христос Спаситель, Апостолы и Мученики, безропотно претерпевшие биения и всякие унижения.

Духовный отец должен стараться, по крайней мере, о том, чтобы кающийся признал греховность всякого горделивого чувства и всякого внушенного этим чувством слова или поступка. Гордость имеет две разновидности — тщеславие и внутреннюю или духовную гордыню. Первая страсть гонится за человеческой похвалой и за знаменитостью, а вторая — более тонкое и более опасное чувство — настолько исполнена уверенностью о своих достоинствах, что и не желает искать человеческой похвалы, а довольствуется сладостным созерцанием своих якобы достоинств. Таков тип байронизма и излюбленные европейскими писателями Мефистофель и демоны.

Тщеславие — более смешное, т.е. осмеиваемое людьми чувство, и уже потому легче если не побороть его, то понять, что оно постыдно, и вступить с ним в борьбу. Но как? — Должно кающемуся напомнить слова Христовы в Нагорной беседе о неугодности Богу по движов человека тщеславного, и обличения фарисеям (в 23 главе от Матфея).

Так должно вразумлять людей легкомысленных, не замечающих греховности своих побуждений; особенно же должно, не только духовнику, но и всем нам, духовным лицам, остерегаться того, чего мы, увы, вовсе не остерегаемся, т.е. не развивать тщеславных побуждений у людей, в частности у жертвователей; а между тем нельзя не сознаться в том, что добрая половина тех, весьма обильных, пожертвований, на которые воздвигаются храмы, школы, приюты и больницы, сделана по побуждениям тщеславия, пробуждаемого в богатых людях духовными лицами, нередко даже святительского сана.

Несравненно большего сочувствия или сердечного участия заслуживает тщеславие смиряющееся или борющееся в душе христианина со смирennemудрием. Нередко на исповеди будут тебе признаваться люди благоговейные и смиренные сердцем, что их преследуют тщеславные помыслы при пожертвованиях, при служении больным, даже при добром ласковом отношении к ним, наконец при хорошем и восхваляемом людьми пении и

чтении в церкви, сказывании проповедей, при усердном учении в школе и т.д., и т.д. Нередко хорошие монахи, замечая в себе подобные побуждения, просят у старца или у духовника разрешение прекратить свое полезное служение на клиросе или в алтаре, а миряне и мирянки свою общественную или благотворительную деятельность.

И конечно, это было одним из главных побуждений большинства отшельников отказываться от святительского сана и даже бежать от людей, когда они становились знаменитыми среди последних, по этой же причине и в настоящее время некоторые ученые архимандриты отказываются от архиерейства, а монахи от иерейского сана. Что же должен говорить духовник, когда христианин заявляет ему подобное побуждение? То же, что отвечали на таковое знаменитые оптинские старцы Макарий и Амвросий. — Не должно отказываться от полезного для Церкви и одобренного Божиими заповедями послушания, на которое тебя призывают старшие и твое собственное дарование, данное Богом: делай полезное дело, а за помыслы тщеславия, врывающиеся в твою душу, укоряй себя и иди против них, — не чрез уклонение от дела, но чрез следование полезному делу, а не этому греховному помыслу, хотя бы тогда, когда дело требует одного, а помысл противоположного, что случится непременно вскоре и будет случаться часто. Не только Господь, но и разумные наблюдатели жизни всегда видят, кто работает для дела, а кто из тщеславия: какой учитель ласков с учениками, стремясь одушевить их к труду и подвигу, а какой — для стяжания себе славы, или, как говорят, популярности. Какой писатель пишет для торжества правды и для научения людей добру и какой для угождения толпе и для своей суетной славы и скверного ради прибытка (Тит. 1:11). Итак, учи людей после всякого подвига или даже обязательного труда проверять свою совесть, например, во время молитвы, — не участвовало ли в его работе побуждение тщеславия, и в какой мере; затем приносить покаяние в этом грехе, но дела не бросать. Поступая так, христианин скоро увидит, что ему придется нередко выбирать между требованием дела (и долга) и требованием тщеславия и выбирать постоянно первое, постоянно подавлять второе. Кроме того, укрепляясь в подвигах добра, христианин вообще освобождается постепенно от любви к себе самому, а следовательно и от всякого тщеславия. Что говорить гордецам в тесном смысле слова? Они так высоко думают о себе, что не ищут даже похвалы от людей. Чем ты превозносишься: умом, красотой, благородством, талантами? Но ведь все это не от тебя, а от Творца, и все это Творец может отнять от тебя, как отнял все от больших людей в настоящую революцию. Но, что всего ужаснее, может отнять и ум; вспоминай наказание Навуходоносора и смирись пред Богом, пока тебя не постигла участь Наполеона или Вильгельма. И пусть всякий христианин, возвышающийся чем-либо над другими, следит за собою и борется со всяким самопревозношением, вспоминая свои грехи и страсти и смиренномудренное настроение святых Апостолов и прочих угодников Божиих. Из “Духовного Луга” (или другой отеческой книги) полезно привести такое сказание. Я видел, повествует один старец, в одной обители еще молодого собрата, известного своими подвигами и своим незлобием; на моих глазах его обидели и даже оскорбили, а он благодушно промолчал на это, насколько не изменившись в лице. “Брат, кто и как научил тебя такому незлобию?” — спросил я его с умилением. — “Да разве стоят они моего гнева, — отвечал тот, — ведь это не люди, а псы; они недостойны того, чтобы я на них огорчался.” “Тогда моя радость, — продолжал старец, — заменилась глубокою скорбью за этого погибающего брата, и я с ужасом отошел от него, молясь за него и за себя.” Гордость побороть должно также и поступками ей противоположными; особенно важно в этом случае принудить себя, как сказано, просить прощения у обидевшего, а также безропотно переносить наказание в школе.

Седьмая Заповедь.

Нужно ли говорить о том, что всего чаще и больше духовнику приходится выслушивать признания о грехах против целомудрия и давать советы о борьбе с ними. В настоящее время торжествующего неверия и поругания веры на исповедь приходят только те, кто желает спасти душу. Если не большинство, то очень многие из этих мужественных душ, оставшихся верными Богу и Церкви, сами смирили себя пред Господом и никого не обижают, а стараются творить добро. Такие христиане, которые идут к Богу сами, обыкновенно бывают свободны от злобы, сребролюбия и зависти, но искушения чувственные продолжают гнаться за ними даже в монастырь и пустыню, и если они свободны от прельщения женскою красотой и обольстительным женским обществом, то грешное похотение является в самой грубой скотской похоти, а если христианин совершенно удаляет себя от женщин, то — в виде тайного греха и неестественных стремлений. Это тяготение не покидает и такого христианина и даже подвижника, который напряженно борется с собою и от души ненавидит грех, пламенно желая вести совершенно целомудренную жизнь. Напрасно думают, будто супружество совершенно освобождает человека от этой борьбы. И там ограничения себя, связанные с родами и болезнями жены и с временной разлукой по делам службы или торговли, искушает супругов помыслами о незаконной связи, не говоря уже о разного рода излишествах во взаимных отношениях друг с другом. Вот почему в требниках ни на один грех нет столько вопросов и епитимий, как на грех нецеломудрия. Будем различать грешников по степени их покаяния и по существу самых грехов. Начнем с тех, которые мучатся укорами совести, но не решаются сознаться в грехе. Особенно часто это случается, если священник им знаком и считал их за честных женщин, мужей, девиц или мальчиков. Также послушницы в обителях стыдятся признаваться своему духовнику в этих последних грехах; стыдятся супруги того и другого пола признаваться в супружеских изменах, девицы, женщины в вытравлении плода, а также в грехах неестественных, которые в настоящее время получили самое широкое распространение во всех слоях общества. Однако велик грех скрывающих грехи на исповеди: как мы сказали, многие из таких грешников кончают земную жизнь самоубийством; но зло укрывательства заключается еще и в том, что пока христианин или христианка не исповедует своего падения, то будет вновь и вновь возвращаться к нему и постепенно впадет в полное отчаяние или, напротив, в бесстыдство и безбожие и вовсе перестанет являться на исповедь. Посему, как ни тяжело духовнику допрашивать подобные вещи, но он не должен отпускать от себя исповедывающегося, если имеет основание подозревать его в укрывательстве грехов, пока не добьется от него полного признания. Не отрадно и писать эти строки и эту главу, но нам хорошо известно, насколько духовники наши неопытны в своем делании и какие допускают ошибки в оценке грехов и в советах о борьбе с ними, а потому понуждаемся писать о них, что можно, прямо, а о прочем указывать главы в Номоканоне.

Итак, если ты узнал от юноши, или девицы, что они не согрешили блудом, то спроси, не грешили ли они другим грехом, близким к тому и нарушающим седьмую заповедь. Тут нередко начинаются волнения, краска на щеках, тяжелые вздохи и иногда слезы. Меньшие грехи такого рода, с светской точки зрения, являются предметом мучительного стыда, а большие, т.е. блуд и прелюбодеяние — нередко предметом похвальбы. На оба эти явления указывает даже Лев Толстой в “Крейцеровой сонате.”

Однако, опрашивая о сем своих духовных чад, детей, из коих очень, очень многие виноваты в тайных грехах (петербургские законоучители говорили мне, что виноваты 75%),

духовник должен опасаться, как бы не сообщить о способах подобного греха детям совершенно невинным и не знающим никаких пакостей. У детей, уже глубоко погрязших в порочные привычки, они отражаются на лицах: глаза их бывают мутные, щеки как бы мокрые (также руки), а центр лица, т.е. нижняя часть лба и верхняя часть щек вместе с глазами, представляются как бы мертвенными, вроде маски серого цвета, прикрывшей лицо ребенка или подростка. Иногда он допускает греховные действия, совершенно не зная, что это грешно и разрушительно для здоровья. Таких начинай сперва спрашивать, не читают ли они неприличных книжек, не любят ли рассматривать такие же картинки, не допускают ли прикосновения пальцами чего не следует и т.д.

Если подростки, мальчик или девочка, заметят, что ты говоришь им с сочувствием, а не для того, чтобы обругать их и унижить, то уже и сами они предупредят твои дальнейшие вопросы и хотя с внутренней мукой, но не щадя себя, расскажут свои грехи. Слушай их спокойно и терпеливо; не покажи негодования, если услышишь то, чего не ожидал — взаимную малакию, мужеложство, кровосмешение, скотоложство и птицеложство. Все это случается именно там, где дети и даже подростки не знают, что грешно и что не грешно, а видя то, что делают животные, подражают им, а затем, не встретив во-время духовника, который бы сумел принять их исповедь, носят на своем сердце тяжелый камень содеянного греха, и сперва молчат о нем по незнанию, а потом, выросши и сделавшись самолюбивыми, уже просто стыдятся признаться в своих неразумных делах, но в то же время носят в себе мысль, что они осквернены на всю жизнь, и приобретают унылое и раздражительное настроение души. Однако здесь еще не конец их духовному бедствию; другой помысл говорит им: все равно ты уже мужеложник или кровосмесник; нечего тебе останавливаться перед меньшим грехом блуда и подобными; так и увядает молодая душа, не встретившая себе духовной опоры.

Когда же ты, любезный духовник, узнаешь, в чем грех твоего духовного чада, то, если он знает качество этого греха, тогда, смотря по тому, близок ли он к унынию, либо, напротив, настроен весьма беспечно, сообразно с его настроением увещивай его. В первом случае, покажи ему по требнику, что обычный у детей и подростков грех, хотя и противен Богу, но наказывается далеко не столь тяжкими епитимиями, как блуд; грехи же, допущенные в очень молодом возрасте по неведению, хотя бы были и очень преступны, не вменяются как тяжкие, лишь бы они не повторялись уже сознательно; наконец, поясни им, что отвратительный грех содомский, в коем многие, почти невинные мальчики и подростки ошибочно считают себя виноватыми, есть вовсе не то, чем они полусознательно или вовсе несознательно грешили. Они были, вероятно, в том грехе, который упоминается в 29-м и 30-м правиле Номоканона, а тот тяжкий грех — в 28-м, 185-м, и 186-м, где описана и разница по степени виновности между этими грехами. К сожалению, и большинство духовников этого не знают, и повергают, например, послушниц, признающихся в том меньшем грехе, такому же осуждению, какое положено за самый тяжкий, а поэтому укрывание грехов на исповеди в женских монастырях и общинах есть явление не очень редкое.

Итак, когда молодая душа, пораженная стыдом и унынием, предстоит тебе после своего признания, утешай ее, как Бог тебе поможет, утешай, но и устраняй от дальнейших падений. Скажи, что ты или другие старцы знали многих долго рабствовавших греховной привычке, но чрез Таинства покаяния и Причащения совершенно от нее освободившихся, — что в таком еще незрелом возрасте не тело человека влечет его ко греху, ибо оно даже не созрело для этого, — а извращенная мечтательность души. Поэтому, если он душу свою отвратит от греха с ненавистью к последнему, то тело его не будет привлекать его на

злое; но если он коснеет в своем грехе, то, став уже мужчиной (или зрелой девой), он окажется связанным вдвойне тяжкими узами, ибо тогда к похоти души присоединятся и половые потребности тела: грех будет усиливаться, падения учащаться, а кара Божия не замедлит в виде чахотки или неврастении, или неспособности к брачной жизни, или даже идиотства и эпилепсии.

Последнего рода картины с особою силою предначертай тем молодым людям, детям, юношам и девицам подросткам, которые, живя среди подобных же товарищей или товаришек, смотрят на свои грехи очень легко. Им должно объяснять, что так легко терпимый совестью грех — особенно грех плотский, не останавливается в своем греховном росте, но влечет человека на худшее и преступное. Дето растлители, скотоложники, публичные женщины и альфонсы не родились такими, а вступали в бездонную пропасть своих падений постепенно; в ранней молодости у них были те же, сравнительно небольшие грешки, как у тех сверстников, которые прожили жизнь, как честные люди и добрые христиане, но они отличались от последних тем, что не каялись в своих падениях, смеялись над увещаниями и не укоряли себя за грехи; потом, когда они ожесточились в них, то им приходилось приносить позднее, но бесплодное раскаяние в гниющем от сифилиса теле или в положении пансионера дома умалишенных, или в звании спившегося золоторотца, отщепенца общества, как неспособного уже ни к какой работе, или, наконец, выгнанной из всех притонов нищей, состарившейся проститутки. Теперь, пока ты еще так молод (или молода), тебе не трудно избежать этой губельной пропасти, если возненавидишь и свои грехи и свое легкомысленное настроение души и вступишь в борьбу со своими, уже начавшимися, привычками. А как привлекателен, как прекрасен тип человека, мужчины или женщины не подпавших искушениям распутства! Вид их бодрый, лицо млаожавое, взор смелый и спокойный. Как благодарны они Богу, что своевременно поборол и искушение.

Как же вступить в борьбу с этими грехами? — Различно, смотря по тому, творится ли твой грех секретно, от всех наедине, или вместе с кем-либо другим. Если последнее, то прежде всего удаляйся решительно и резко от своих союзников в грехе. Заяви им о сем прямо и открыто, и заранее обреки себя на то, чтобы претерпеть насмешку или обиду; те скоро откажутся от тебя и навсегда, ибо тоже будут бояться общественного стыда или наказания.

Если же грех твой совершается наедине, то больше всего бойся его первой ступени. Что это значит? А то, что душа, принесшая покаяние, освятившаяся Таинством, молящаяся и желающая жить чистою жизнью, не может обратиться к греховному делу сразу, без предварительных, посредствующих ступеней. Подвижники учат нас непременно утром и вечером собрать свои мысли, вспомнить о главной у каждого страсти, о главной помехе его спасению, возненавидеть ее в душе и, так настроив себя, произнести трижды, сознательно и не торопясь: “Сподоби, Господи, в день сей или в ночь сию без греха сохранитися мне.” И на сей день и на сию ночь Бог тебя непременно сохранит, если ты сказал эту молитву искренно и без колебаний.

Мы упомянули о первой ступени греха. В чем она заключается? — В самообмане. Грех не овладевал бы душою человека, если б не поучал его прибегать к лжи перед самим собою: вот почему диавол и называется в слове Божиим: лжъ и отец лжи (Ин. 8:44). Не только в описываемой нами порочной привычке, но и в самых мелких страстишках, курении, морфинизме, а тем более — в пьянстве, подверженный им человек, борясь с собою, в то же время так обманывает себя: — “Я не буду творить сегодня своего скверного греха, но позволю себе припомнить подробнее: как это было в прошлый раз? Или вот позволю

себе прочитать еще раз ту грязную книжонку, или пойду вечером на улицу посмотреть прохожих красавиц, или пойду посмотреть такую-то оперетку.” Все это опасно и вредно даже для целомудренной души, но душа, уже зараженная греховной привычкой, только на то время и может не поддаваться ей снова, пока решительно удаляет от себя все соблазняющее, пока не воспроизводит около себя той обстановки, в которой обыкновенно предается греху. Для одних грешников в этом смысле гибельна известная компания, для других — напротив, пребывание наедине. Когда ты находишься в бодром и добром настроении души, то признайся себе, что такие-то и такие-то мысли, состояния души и тела, такие-то предметы, книжки, зрелища, иногда даже — запахи неудержимо влекут тебя ко греху и что бороться с последним ты не можешь, если будешь поддаваться на эту первую ступень, а твое решение остановиться на ней и не идти дальше есть самообман, ибо остановиться на ней ты не можешь, если уже на нее вступил. Точно так же от курева или от морфинизма отстанет только тот, кто выбросил совсем от себя эти снадобья и не будет к ним прикасаться. Однако и этого, пожалуй, еще мало: чтобы очистить душу, засоренную скверною чувственною страстью, должно наполнять ее лучшим облагораживающим занятием — одушевляющим трудом, физическим или умственным; затем окружить себя облагораживающим обществом или дружбою с добрым товарищем, или близостью к старшему родственнику и откровенностью с ним, или с нею — начиная с родной матери; самое же главное — должно стать ближе к нашему Небесному Отцу и прибегать к Нему с молитвою. В этом случае духовник может с успехом посоветовать кающемуся приобрести себе канонник или молитвослов. В других обстоятельствах любой подросток тебя и не послушает, а в своем горе и стыде — послушает; если имеешь возможность, то сам подари ему молитвенник. Кстати, прибавим, что духовные лица часто представить себе не могут, какое огромное значение имеет для мирянина нахождение у него молитвенника. Священник, вышедший сам из духовной семьи, готов думать, что подобная книжка есть столь же необходимый предмет во всяком доме, как стол и кровать, но пусть он знает, что в огромном большинстве семейств интеллигентных, а также у селян, нет ни Нового Завета, ни молитвослова и что последний представляет из себя диковину и имеет самое благодатное значение для одичавшего от веры современного общества. Пусть даже по нему и не молится ежедневно его владелец; пусть целыми месяцами никто в семействе к нему не прикоснется, но если хоть несколько раз в год кто-либо в доме подержит его в руках и что-нибудь почитает, и то прольет благодетельный свет в потемневшие души. И притом знай, что наверно хоть временами там будут по нему и молиться, и вообще знакомиться с молитвословиями Святой Церкви.

Насколько смутно и подавлено бывает настроение изображенных выше молодых грешников и грешниц, настолько бесстыдно и далеко от покаянной настроенности оказывается по большей части обращение более взрослых юношей с продажными девицами или распутными женщинами зрелого возраста, их соблазвившими на грех. Мы уже упоминали в своем месте, что эпоха подобных падений в учащемся юношестве совпадает с потерей ими веры, а в юношестве деревенском с упадком благочестия и с порывами кощунства, в последнее же время с таким же дерзким отрицанием, как и у студентов. Вникнем в эту печальную связь нецеломудрия с неверием внимательнее. В созревшем мужском организме — пробужденное самодовольное чувство молодого самца; оно поддерживается и переменной общественною положением юноши: в обществе он становится лицом самостоятельным — студентом, или в качестве старшего гимназиста готовится вступить в эту, совершенно ничем не стесняемую, среду; в этой среде он чувствует себя женихом, выходит из-под по-

стоянной опеки родителей; сам себе что-нибудь зарабатывает, и вообще получает условия, благоприятные для самодовольного настроения. С своей стороны пробудившаяся полая похоть имеет нечто общее с таким настроением и вот ему желательно жить без всякого стеснения; он мысленно говорит себе: *Веселись, юноша, в юности твоей ... и ходи по путям сердца твоего и по видению очей твоих* (Еккл. 11:9); но дальнейшие слова Екклесиаста, хотя бы он никогда не читал этой священной книги, будучи предъявляемы ему голосом совести, производят в нем сильное раздражение и возбуждают враждебное чувство против Бога и благочестия. Вот эти слова: *только знай, что за все это Бог приведет тебя на суд* (Еккл. 11:9). Правда, не столько будущий суд страшит его и сердит, сколько сознание запрещенности его грехов, их осужденности и Богом, и родителями, и старшими и их наказуемостью самой природой в виде венерических болезней, угрожающих своим жертвам внешним уродством и сумасшествием. Между тем проникнуться сознанием своей виновности, своей греховности он вовсе не склонен при своем торжествующем самодовольстве, и вот он становится в противление или оппозицию и Богу, и священнику, и Церкви, и старшим, и общественным убеждениям и приличиям. Отсюда и рождается интеллигентный нигилизм и простонародное хулиганство. Чтобы успешнее зажимать уста своей совести, молодежь прибегает к помощи вина, иногда грубой ругани и даже богохульства, дерзких ответов старшим, дабы оградить себя со всех сторон от пробуждения совести. Но самую ценную услугу для греха оказывают книжки, отрицающие истины святой веры и высмеивающие их. Вместе с книжками, и картинками, и безнравственными зрелищами, да еще при помощи товарищества с совершенно развратившимися и неверующими людьми, эти средства одурманивания самих себя и являются причиной тому, что юношество забывает дорогу в храм Божий и к духовному отцу. Но это еще не все. Революция создала еще одно средство для окончательного усыпления совести человека: жестокие казни людей невинных, соединенные с истязаниями и издевательствами, а также грубые кощунства над церковными святынями и молитвою людей верующих. На все эти ужасные злодеяния, от которых приходила в ужас вся вселенная, находилось, однако, довольно охотников, побуждаемых, конечно, ни чем иным, как желанием убить в себе голос беспощадно бичующей их совести и навсегда от нее отвязаться. Это же побуждение, иногда почти несознаваемое юношами и девицами, — а подчас и людьми пожилыми — понуждает их жадно отыскивать и читать все, что печатается против Бога, Церкви и заповедей Божиих, и гневно отворачиваться от всякой предложенной их вниманию книги или беседы, защищающей истины веры. Зато с каким доверием и без всякой проверки вслушивается молодежь в речи своих более самоуверенных товарищей, а иногда и потерявших совесть врачей о том, будто блудные дела являются неодолимою потребностью для физически созревшего человека, без удовлетворения которой он будет болеть или даже сойдет с ума.

Но если бы пришлось кому-либо из настроенных подобным образом молодых людей, говорящих самоуверенно и авторитетно, раскрыть глаза на их подлинное душевное состояние, исполненное самообмана и самых низких побуждений, то они и дослушать вас не пожелают, но перебьют грубою бранью, или насмешками. Что же делать с ними духовному отцу? Конечно, далеко не при всяких обстоятельствах возможно и полезно даже заговаривать с ними о предметах веры и совести. Но ведь мы разумеем здесь по преимуществу беседу на исповеди. Сюда эти “овцы заклания” или вовсе не придут или придут либо с покаянием, подвигнутые к нему, например, болезнью, карающею распутство, либо в состоянии тяжелой душевной борьбы, ужаснувшись какою-либо допущенною крайнею мерзостью или несчастием, бедой, вроде самоубийства или детоубийства обманутой ими девушкой

ки, или в страхе перед каким-либо уголовным наказанием, или под влиянием свободно проснувшейся совести, или, наконец, по особым обстоятельствам, например, пред вступлением в брак или отправлением на войну. Во всех подобных случаях и блудный юноша, или спутавшаяся с толку девица все-таки являются несколько нравственно отрезвившимися и способными слушать и принимать к сердцу слово, исполненное любви и сожаления о них.

Не будем развивать подробнее сказанное уже о связи между неверием и развратом, а скажем теперь о борьбе с последним. Прежде всего должно разубедить грешника в том, будто разврат есть необходимая потребность взрослого человека. Каждый священник-духовник знает немало людей, соблюдавших девство до брака, в который они вступили значительно старше того возраста, в коем исповедывающийся лишился невинности; знает духовник и таких людей, которые сохранили девство до смерти и однако были здоровы.

Понятие телесной потребности весьма неопределенное и граница между последнею и простою похотью весьма неустойчивая. Возьмите, например, потребность уже совершенно бесспорную — потребность питания; степень ее принудительности находится в теснейшей зависимости от убеждения. Невольника можно заморить голодом до смерти в трое-четверо суток, заперев его без пищи, а добровольные постники не едят вовсе целую седмицу и более. Понятие недоедания и страдания от недоедания тоже определяются тем, привык ли человек есть хорошо и много, и не встречать помехи своим пожеланиям, или имеет готовность и даже желание подвизаться в посте и молитве.

Должно различать страдание, причиняемое самим телом, от страдания, происходящего от душевного, от неудовольствия или гнева на невозможность достать себе то, что приятно и облюбовано в желаниях человека. Последнего рода страдания несравненно тяжелее переносятся, чем первые, даже в том случае, когда чисто физические страдания ничтожны. Если же физические страдания дают себя чувствовать, а душа человека признает законность и полезность их перенесения, то таковые страдания вовсе не тяжелы, почти не ощущаются и скоро проходят сами собою. Приставляемый вам горчичник крепко жжет вам всю кожу, но, зная, что он даст вам к вечеру здоровье, вы нисколько не мучаетесь душою от такого страдания и готовы увеличить срок его прикосновения. Напротив, если при головной боли вас тревожит громкий разговор детей, а кроме того вы чувствуете крайнюю досаду на их неделикатность, то вам кажется, что голова ваша раскаляется от боли, а возрастающее чувство гнева, будучи само страданием, является большим слагаемым в сумме неприятных ощущений. Но вот ваши досадители вдруг вспомнили, что они вас тревожат, застыдились и ласкаются к вам, прося прощения. Они тронули ваше сердце своею чистотою и ласкою, развеселили вас, и вы почти не чувствуете уже головной боли.

Если чисто физические ощущения и потребности находятся в такой тесной зависимости от душевных пожеланий и настроения человека, то в гораздо теснейшей зависимости находится жизнь половая. Отчего это кажущаяся столь сильною похоть покидает самого здорового и молодого человека, когда он пребывает в глубокой горести или сильно озабочен и т.п.? Итак, она не столько в теле человека, сколько в душе. Конечно, человек, привыкший следовать всякому своему пожеланию, лишенный правила различать желания законные от незаконных и скверных, предающийся скверным и сладострастным мечтам и разыскивающий всюду возбуждающие впечатления, — конечно, такой человек почитает половую похоть самую гнетущую потребностью, а неудовлетворение похоти принимает, как тяжкое страдание; но ведь едва ли меньше страдает честолюбивый человек, не получив в срок ожидаемой звезды, а ведь нельзя же назвать получение звезды человеческою

потребностью? Итак, не девственная жизнь, а развратная мечта и непримиренность с какими-либо лишениями является причиной тех страданий, якобы физических, которыми оправдывает блудник свое распутство. Но разве целомудренные душою девственники не испытывают страданий? Возможно, что иногда чувствуют некоторую тяжесть в голове, но все это легко проходит в глубоком сне, если душа человека остается свободна от порабощений скверной похотью и исполнена желанием хранить чистоту совести хотя бы ценою лишений.

Внушая такие истины кающимся, духовный отец, если и не удержит их на будущее время от падений, то принесет великую пользу их душам, приведя их к сознанию греховности своей жизни и лишив их того беззаботного и самоуверенного настроения, в котором они пребывали. Вдобавок необходимо им указывать на то, что обращающиеся с блудницами являются участниками и в нравственном, и в физическом медленном умерщвлении этих несчастных существ, а прелюбодеи и соблазнитель делают несчастными целые семейства и бывают виновниками детоубийства или вытравления плода, которое по правилам Вселенских Соборов вменяется одинаково с детоубийством и обрекает виновницу преступления и участников оною лишению Святого Причащения на срок от десяти до двадцати лет. Если такое преступление теперь стало модным, то это нисколько не ослабляет виновности его совершителей.

Область возможных предостережений и вразумлений блудникам конечно, очень обширна, ибо эти грехи разоряют и душу человека, делая ее холодной и безучастной к высшим вопросам и стремлениям, разрушают и семью, и общество. Но в полноте и перечислить эти беды невозможно, да и без того мы остановились на сем вопросе очень долго. Следует только прибавить совет невоздержанным холостым людям сочетаться законным браком, а их отговорки и ссылки на свою необеспеченность опровергать указанием на то, что распутство более разоряет людей, чем семья, да если бы ради последней и пришлось претерпевать бедность, то чистая совесть дороже, чем отравленное развратом себялюбивое благополучие [1].

Еще более настойчиво должен духовник вразумлять и пристыжать супругов изменяющих друг другу и обманывающих. Им должно напомнить слова Христовы: *как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними* (Лк. 6:31). — Было бы такому человеку приятно, если б ему также изменяли в супружеском союзе, как изменял он, или она? Как ни естествен такой запрос совести, но сами прелюбодеи и прелюбодейки редко задают его себе. Так же редко думают они о том, какое развращающее влияние будут иметь, или уже имеют, их проступки на их детей: дети, потеряв к родителям уважение, нередко почти вовсе теряют различие между дозволенным и греховным, честным и нечестным, и вырастают негодьями. Известны страшные слова Спасителя о том, кто соблазнит единого от малых сих (Мк. 9:42).

Заключая речь о борьбе с таким грехом ответом на вопрос грешника, как избавиться от него, должно припомнить то, что говорилось о борьбе с грехами тайными, юношескими, ибо все это имеет приложение и к страстям людей взрослых. Пусть они также перестанут верить мирским повестям или романам, по которым незаконная любовь, например, к чужой жене или чужому мужу, или родственнику представляется каким-то невольным наитием, с которым будто бы невозможно бороться. Все это ложь, все эти влюбленности плод развращенного или праздного воображения, которого не знали наши предки, воспитывавшиеся не на романах, а на священных книгах. Должно наполнять душу свою иным, лучшим содержанием, должно любить Христа, родину, науку, школу, тем более —

Церковь, родителей, сотоварищей по делу, которому ты посвятил свою жизнь, — а подругу жизни выбирай такую, с которой можно на всю жизнь заключить брачный союз и воспитывать детей. Всякую другую любовь считай недозволенной, если хочешь спасти душу, и если имеешь к тому склонность, то борись со страстью решительно. Прежде всего прекрати сразу такое знакомство, навсегда и безусловно. Чтобы спасти себя от укorenившейся уже страсти, должно даже оставить место, учительство, не отвечать на письма и занять свой ум и свои руки разумною работой, имея около себя родителей и друзей. Это, конечно, самые общие приемы борьбы с собою, но обстоятельства бывают столь разнообразны, что решение подобных затруднений должно быть предоставлено благоразумию самого духовника.

Во всяком случае духовник должен пояснить совершенную незаконность смешанных браков по 72-му правилу Шестого Вселенского собора и 52-му Номоканона, также браков с родственниками в запрещенных степенях. Правда, каноны церковные мало почитаются подобными женихами и невестами, но их должно предупреждать о крайней непрочности таких браков, которые, особенно в последнее время, очень скоро кончаются разводом, т.е. донесением на самих себя о незаконности брака при первой же неприятности между супругами. Только глубокое сознание святости брачного союза понуждает супругов поступать собою во взаимной уступчивости и охранять свой союз. Но, когда и муж и жена будут сознавать, что союз сей и не священный, и даже проклятый Церковью, то, конечно, никакого побуждения для охранения союза не останется, тогда, при неизбежных ссорах, взаимное чувство потускнеет и супруги начнут тяготиться друг другом. Впрочем, если духовник пользуется уважением последних, то без особенного труда он может убедить инославного супруга принять Православие, изложив общие доводы в пользу последнего, а затем указав на невозможность воспитания детей в обычаях и убеждениях, чуждых их отцу или матери.

Пьянство.

Родной сестрой разврата является пьянство, ибо, по слову св. Василия Великого, вино никогда не было другом целомудрия. Впрочем, порок пьянства сроден не только распутству, но и всем вообще преступлениям. Огромное большинство последних совершается в пьяном виде, или под хмельком. Большая часть всех семейных трагедий, человеческих горестей и общественных бедствий происходит от вина и пьянства.

Духовник должен прежде всего заботиться о том, чтобы опровергнуть во всех приходах такую мысль, будто пьянство не грех и не порок; ибо оно прежде всего не любит останавливаться на малой степени, а непременно перейдет постепенно в запой. Кроме сего, и даже по преимуществу, необходимо усвоить кающимся ту мысль, что опьянение, особенно когда оно дойдет до запоев, никогда не бывает просто дурною привычкою, а оказывается соединенным с постоянным злостным настроением. Так ли это? Не встречаем ли мы, напротив, “добрейших,” щедролюбивых и уступчивых людей, которые, пока они трезвы, кажутся самыми добрыми людьми, и, кажется, были бы святыми, если бы не запои, которые продолжают у них недели по две, по несколько раз в год. Но так кажется только поверхностному наблюдателю. А кто ближе знает подобных людей, тот скажет вам, что они исполнены либо блудной страсти, которой предаться в трезвом виде не могут, либо, что еще чаще бывает, одержимы неудовлетворенным честолюбием или озлоблением за свою неудавшуюся жизнь, либо их мучит злоба и зависть. Не имея возможности осуществить своих пожеланий на яву, они посредством вина переносятся в мечтательную область и,

одурившись винными парами, воображают себя генералами, министрами, знаменитыми учеными или художниками, счастливыми любовниками, победителями своих врагов и отомстителями им. Поэтому пусть запойные пьяницы не отговариваются на обращенные к ним упреки, как они это обычно делают: “я пью, но зато я никого не обижаю, не обирую, не произвожу сплетней, ссор” и т.д. В душе своей они всегда носят яд злобы, или зависти, или ропота, или любодействия, и пока они не убьют в себе подобных пожеланий, они от своего запоя не отстанут. Пьянство есть производное явление иных страстей, иногда не вполне ведомых своей жертве, но однако исцеление от сего недуга невозможно, пока не изгонится из сердца причиняющая его страсть. Конечно, это касается пьянства уже запойного, а юношеские кутежи по большей части имеют целью либо набраться храбрости для того, чтобы пуститься в распутство, либо таким нелепым способом убедить себя, что ты уже взрослый человек. Кающимся в подобных грехах, кроме выяснения нелепости такого способа доказательства, должно советовать совершенно удаляться пьяной компании и найти себе товарищей трезвых. Вообще, пока пьянство не начало переходить в запой, пока оно не срослось с какой-либо укоренившейся страстью души, человек, приносящий в том искреннее покаяние, всегда может от него освободиться с помощью Божией.

Пьянство является одною из самых губительных для нашего православного народа духовных болезней, если не самой губительной. Поэтому, кроме прямых наставлений пьяницам о борьбе со своею страстью, духовник должен давать предостерегающие советы, вернее, требования, и воспитателям детей, особенно же родителям: чтобы не давали водки детям и подросткам, чтобы не являлись пред ними выпивши, чтобы не похвалялись пьянством и не хвалили бы пьяниц и пьянства. Всем напивавшимся до потери сознания, до драки или тошноты грешникам хорошо назначать епитимии, хотя бы поклоны наедине, впрочем, с теми предосторожностями, касающимися вообще назначения епитимий, о коих будет сказано ниже.

Предлагать здесь духовникам начертать пьянице картину печальных последствий пьянства считаю не очень нужным: это сумеет исполнить всякий даже молодой священник, но напомним им, что полезно не довольствоваться общими картинами вредности пьянства, а предварительно спросить у исповедующегося об условиях его семейной жизни и занятиях и сказать нечто, касающееся ближайшим образом его собственной жизни и жизни его семьи. Конечно, в этом случае силен бывает тот духовник, который лично знает своего духовного сына и его семью и может ему указать то, что было на самом деле последствием его нетрезвого состояния или легко может случиться в условиях его семейной и личной жизни.

Впрочем, едва ли не самое трудное дело в подобных случаях — это научить потерявшего обладание над собою пьяницу отстать от своей порочной привычки; разве только еще порок малакии с таким трудом отрывается от сердца человека, как порок пьянства, если укоренился настолько, что совсем одолеет человеческую волю.

Правда, мы сказали, что запои держат человека в своем позорном плену по той причине, что соединяются с духовною страстью и злобой: но бывает и так, что поработанный ими человек уже возненавидел и самую страсть, уже смиряется душой и просит Бога и людей научить, как избавиться от нее, а избавиться не может. Быть может, он уже вступил в общество трезвости и дал клятвенный обет не пить водки и вина, но и обет свой нарушает. Как тут быть духовнику?

Ему полезно напомнить кающемуся притчу о Блудном Сыне и спросить: почему отец того потерянного юноши так твердо уверился в его исправлении, что устроил пир с песня-

ми, пляской и, конечно, с вином, не опасаясь, что оно послужит его сыну началом для нового запоя после невольного голода и трезвости? А потому, должно отвечать, что Блудный Сын, во-первых, сам казнил себя: он приговорил себя к званию наемника, выразил решимость из господина стать рабом, а, во-вторых, для исполнения своего благого решения предпринял подвиг длинного и тяжкого пути и подвиг униженной мольбы пред своим отцом, с которым прежде тяготился жить в довольстве и ласке, имея душу своевольную и непокорную.

Точно так же о Закхее Господь столь уверенно выразился: *ныне пришло спасение дому сему* (Лк. 19:9) — потому именно, что Закхей, не ожидая каких-либо требований, сам себя приговорил к полному умерщвлению своей страсти посредством столь трудного для стяжателя подвига раздать пол-имения нищим и вознаградить четверицею обиженных. Надежно бывает исправление тех запойных пьяниц, которые для вытрезвления поселяются на всю зиму в Валаамском монастыре на Ладожском озере, где невозможно достать водки, и обрекают себя на черные послушания, хотя бы и были богачами. Впрочем, даже и о таких говорят, что уже полную уверенность в их окончательном исправлении можно иметь только чрез три года после прекращения ими запоев, а до тех пор — лишь благую и радостную надежду.

Разумеется, не всякий кающийся может располагать собою так, чтобы удалиться в монастырь хотя бы на полгода, но тем, которые не имеют возможности так поступить, должно пояснить, что то покаяние прочно, которое, во-первых, исполнено самоукорением, а отнюдь не сетованием на других как на виновников своего падения, — а, во-вторых, — решением подвергнуть себя самого лишениям и трудам, еще более тяжким и горьким, чем те, коим его подверг уже его порок в виде ли бедности или болезни, или лишения места. Разница между бессильными и неисправимыми нытиками на свою страсть и на свое положение и людьми, решившимися непременно с помощью Божией восстать от своего падения, — бросается в глаза сама собою. Вот пред вами уволенный за пьянство чиновник или приказчик. Один, прося у вас должности, хотя и сознается в своей “слабости,” но доказывает, что ее значительно преувеличили в его аттестации, что его товарищи, пившие больше него, не были уволены, потому что имели протекцию на службе и не имели недоброжелателей, как он. Теперь он просит места, хотя бы на провинцию, но не худшего, а пожалуй и лучшего, чем он занимал раньше. Приходит к вам другой, и чистосердечно заявляет, за что он уволен, и признает, что уволен за дело. Он просит должности самой скромной, хотя бы писаря, имея университетское образование, или дворника, бывши раньше приказчиком с пятерным против дворника жалованьем. В обоих случаях этот проситель просит взять его до времени первой неисправности и даже не давать ему ничего лучшего, пока он на деле не докажет своего исправления. Вот такое покаяние, такая решимость уже надежны, и духовник, указывая пьянице на эти примеры, пояснит ему, что душа его подобна хирургическому больному, которому необходимо обречь себя на тяжелую операцию, даже на совершенное отсечение руки или ноги, чтобы не сгнить заживо. Тебе же, скажет духовник, необходимо отсечь свое самолюбие, быть может, переменить свое положение в обществе, поработить себя труду и отдаться в подчинение на время, но зато потому совершенно освобождаясь от своего постыдного порока, бодрым и радостным возвратиться к своим родным и близким, а начать должно с того, чтобы возненавидеть свое падение до самой смерти. И я знаю таких, прибавит духовник, которые долго рабствовали пьяному бесу, а потом совершенно избавились от него такими тяжкими подвигами.

Прочие страсти и отдельные грехи.

Главная часть нашей задачи окончена. Она заключалась в том, чтобы открыть глаза, во-первых, самим духовникам на то великое дело, которое передано в их руки вместе с преподанием им благодати священства, а, во-вторых, исповедующимся — на свое душевное состояние и на жизненное призвание христианина. Согласно вышеприведенным указаниям, духовник раз навсегда даст понять своим духовным чадам, т.е. не только слушателям своих поучений в церкви, но и каждому в отдельности на исповеди, что христиане должны не только припомнить пред духовником свои отдельные греховные поступки, но и познать, какими страстями и какими ложными взглядами заражены их души; они должны бороться с самыми корнями своих грехов, со своими страстями, и знать, что в этом и состоит содеяние нашего спасения, точнее — без этого условия оно невозможно, а должно оно совершаться чрез постоянное возношение души своей к Богу в молитве и в чтении Его слов, и в понуждении себя к добродетели.

Если только кающийся поймет то, что должен знать о себе каждый христианин, то есть, что он духовно больной, что его духовные недуги нужно врачевать, ибо они сами собой не остановятся на той степени развития, в которой он их опознал, а будут все глубже разедать его душу, пока не погубят ее, то духовный отец может возблагодарить Бога за того человека и сказать: ныне “спасение дому сему пришло.” Действительно, отныне тот человек, если и будет спотыкаться в нравственном смысле, то всегда будет знать, что единственно ценное на земле — это душа и вечное спасение, — и все явления и события своей собственной и окружающей жизни он будет уже оценивать с этой точки зрения, хотя бы по слабости воли и уклонялся временами от правого пути.

Кроме того, и даже по преимуществу, целью наших разъяснений было ввести ум и душу самого духовника в эту область духовной борьбы и духовной жизни. Если нам удалось этого достигнуть хоть в отношении к некоторым духовникам, то в дальнейшей своей жизни и деятельности они сами сумеют дополнить все, что оказалось у нас опущенным. Душевная жизнь людей так сложна и разнообразна, что ее врачевание невозможно с такою точностью предусмотреть для всех случаев и событий жизни, как это делается во врачебной науке для недугов телесных, да и то не с полным предвидением всевозможных осложнений в телесных болезнях. Мы разобрали посылно наиболее бурные страсти: гнев, гордыню, тщеславие, блуд, пьянство, а также те ложные воззрения на благочестие и на жизнь вообще, которые препятствуют покаянию. Остались пока не рассмотренными страсти: сребролюбия, тревоугодия, отчасти уныния, зависти. Сказав об них несколько слов, остановимся на отдельных грехах, особенно свойственных современным христианам.

По сродности с вышеприведенным разъяснением следовало бы говорить об унынии, однако сей грех, так глубоко рассмотренный святыми Отцами, имеет место более среди людей уже подвизающихся во спасении, а у мирян он выражается в озлобленности, в раздражительности, нередко в запоях. Но, конечно, встречается и то настроение, которое именуется прямо унынием. Это есть потеря той духовной жизнерадостности о Боге, которая питается надеждой на Его милосердное о нас промышление. Такую надежду, конечно, хранят в сердце своем немногие из наших современников, а большинство вовсе не думают о Боге. Но встречаются и среди религиозных людей, пекущихся о своем спасении, такие, которые жалуются духовнику, что они потеряли любовь к молитве, и она исполняется ими теперь без душевного услаждения, даже со скукой и что это скука готова обратиться у них в постоянное тоскливое настроение души и соединяется с мыслью, что Бог от них отсту-

пился. Вместе с этим, а иногда и независимо от сего, им кажется, что родные их разлюбили и что они совершенно одиноки в жизни. Мудрый ответ пастыря, соединенный с сердечным участием, иногда сразу исцеляет христианина от такого душевного недуга, сущности которого последний обыкновенно сам и не может себе уяснить. Подлинная же причина его бывает обыкновенно одна из двух: или это уныние бывает последствием забытого грехопадения или скрытой, незаметной страсти, или просто явлением так называемой неврастения, т.е. переутомления, или гнетущих забот. Конечно, духовник должен выпросить его о сем, а свои расспросы начать с предположения последней причины, дабы окончательно не обескуражить и без того скорбного человека. Правда, мы говорили уже об отчаянии выше, но уныние есть нечто иное, оно менее остро переживается, но бывает иногда более неподатливо для увещания. Мы сейчас упомянули о неврастении. Явление это бывает душевно-телесное, причем основная причина такого состояния бывает у одних преимущественно в нервной болезни, а у других — в безотрадных мыслях и горьких чувствах. Во всяком случае, оба эти расстройства, т.е. скорбь души и телесное нездоровье взаимно поддерживаются одно другим и не поддаются легко увещаниям и лечению. Особенно часто случается такое состояние среди учащегося юношества и у женщин перед родами, а также, как пояснили мне врачи, при переходе их в пожилой возраст.

Сердечное участие к такой душе есть самое главное средство излечения, но участие это должно иметь характер спокойный, уверенный и мужественный, а если оно оказывается со стороны матери, жены и других родичей, слишком поддающихся своему чувству, то болящий душою, заметив свою власть над ними, начинает еще более давать волю своим скорбным проявлениям и просто мучит окружающих своими капризами. Мягкая ласка сильного характера успокаивает и бодрит неврастеника, а скорбное сострадание и настойчивая мольба принять то или иное лекарство, ванну или устроить прогулку еще более расстраивает его и умножает слезы и скорбь при виде слез окружающих. — Но возвратимся к исповеди.

Итак, духовник при жалобе исповедующегося на свою безысходную печаль и тоску должен ласково спросить его, спит ли он хорошо ночью, имеет ли аппетит, не раздражается ли без толку, и если ответы последуют неутешительные, то должно сказать: “Вот, мы перечислили условия вашей телесной жизни, содействующие скорбному настроению, но, конечно, не в этих только условиях дело; перейдем к причинам душевным. Однако с ними легче будет справиться, если найдется возможность устранить первые. Вероятно, вам и доктор скажет, что вам необходимо на время, даже на месяц только прекратить учебные или служебные занятия, выехать из города, отправиться на богомолье, но не накладывая на себя сверхдолжного поста. Возможно, что тогда само собою пройдет ваше уныние. Отдалившись на время от своих близких, вы перестанет воображать, как это вам теперь кажется, будто бы вас уже не любят, тяготеют вами и т.д. Издали вы поймете, что нередко без нужды терзали и себя самого и их, а когда, окрепнув на отдыхе, возвратитесь к ним, то сами над собой будете смеяться, вспоминая свои напрасные подозрения.”

Если унывающий христианин — человек, особенно усердный к подвигам поста и молитвы, то расспроси, как он подвизается, а если подвиги его самочинные, т.е. предпринятые без благословения духовника или старца, то напомни ему, что святые Отцы немало писали “об унынии, происходящем от чрезмерных и самочинных подвигов,” и посоветуй ему на время отложить то, или часть того, что не является подвигом общеобязательным, а самопроизвольным. Кающийся, пожалуй, начнет плакаться еще на то, что и общеобяза-

тельные молитвы и бдения, прежде его радовавшие, он теперь совершает с нетерпением и скорбью и не может возвратить себе прежнего умиления.

Тогда скажи ему, что Отцы поясняют такое состояние зародившейся тайною страстью, как страсть зависти вогнала в тоску Саула; такое же действие оказывает и зародившаяся, но на первых порах незаметная страсть блудная, или честолюбивая, или сребролюбивая, или тщеславная, или страсть отмщения обидчику. Если лодка не отодвигается от пристани, ты смотришь, не прицепилась ли она снизу к плоту, и дотоле не будешь налегать на весла, пока не отцепишь ее. Так и оскудевший в молитве и предающийся унынию христианин должен осмотреть дно души своей, и если усмотрит, что за него уцепился бич какого-либо греховного желания, то вступить с ним в борьбу, но здесь, еще раньше, чем он поразит его, дух молитвы, даже сугубо горячей, к нему возвратится за одну решимость побороть в себе зло. Вместе с этим и дух уныния отойдет от подвижника, правда, не всегда сразу в один час, но состояние души его можно будет уподобить стихающему после ветра морю. Море бушует и ревет, пока его колышет ветер: ветер есть причина бури морской. Но вот ветер совершенно затих, не в одну же секунду стихнет море, но стихнет очень скоро: сейчас же волны становятся меньше и меньше, далее остается только рябь; еще небольшое время, и море стало гладко, как зеркало.

Если исповедующийся скажет: “Я принимал ваши прежние советы, но меня огорчают бедствия, не от меня зависящие, — обиды от родных, болезнь детей и недавняя смерть одного из них; я нигде, ни в чем не нахожу утешения и не могу молиться, подавляемый скорбью. Знаю, что Бог все делает для нашего блага, а зло для нас не бедность и бедствие, а только наша злая воля, но что делать, когда тоска и горе грызут мою душу, и я ни в чем не могу найти себе утешения.” — Тогда спроси его: “А искал ли ты утешений, или напротив отвергал их? Помнишь слова Священного Писания: *Рахиль плачет о детях своих, и не хочет утешиться* (Иер. 31:15), и как Иаков не хотел утешиться о предполагаемой смерти своего сына Иосифа (Быт. 37:35). Уныние тогда особенно и греховно, когда оно отвергает Божие утешение. Рассердившийся капризный ребенок ломает свои любимые игрушки, а некоторые ненормальные люди находят удовольствие в том, чтобы растравлять свои ранки на руке и причинять себе бесцельные страдания. Смотри: в таком состоянии души уже участвует греховное чувство, именно непокорство Промыслу, гнев, если не прямо на Бога, то всегда гнев богопротивный, приближающийся к ропоту. Убойся такого состояния и проси у Бога прощения и помощи: тогда отойдет от тебя и самый дух уныния, и душа твоя не будет отворачиваться от утешения. Увещания твоих близких и самое их участие тебе казалось неумелым, а они сами глупыми и тягостными; но оцени и в глупом человеке святую любовь, поверни к нему ласковое лицо: он за благодеяние для себя сочтет то, что ты не отвергаешь его участия; смотри же, сколько тут у него смирения и терпения и насколько он лучше тебя, который мучишь его и прочих своею тоскою; и как легко тебе эту общую муку заменить общою радостью и взаимною любовью. Если постараться так поступить, то совсем прогонишь от себя дух уныния и начнешь вселять в свою душу дух смиренномудрия, терпения, любви и неосуждения, а потом научишься и других утешать в бедах и скорбях. Такими разъяснениями и утешениями должен духовник вразумлять христиан, поддавшихся бесу уныния, но еще раз повторим, что степень успешности его слов будет всецело зависеть от того, сколько бодрящего участия будет он сам чувствовать и влагать в свои глаголы. Уныние есть убыль души, как бы душевное худосочие, и вот страдающая любовь здоровой души, пребывающей в союзе с Богом, восполняет в больной душе эту убыль. Иногда просто ласковое слово и обещание помолиться за скорбящего

сразу же вливает в душу его отраду и он освобождается от томившего его чувства одиночества.

Зависть.

Мы упомянули о Сауле, которого все душевное настроение поглощено было завистью к Давиду и погубило в нем и государственный ум и, затем, самую его жизнь. По зависти предали суду и казни Господа Иисуса Христа Его враги. Скверное и греховное чувство, но, если кающийся не желает сознательно лгать на исповеди, то эта страсть едва ли может скрыться от его собственной совести, и он на вопрос священника признается в одолевающем его искушении зависти. Духовник укажет ему на два вышеприведенных гибельных примера, скажет, что *завистью диавола вошла в мир смерть* (Прем. 2:24), как пояснено в книге Премудрости Соломоновой; предостережет его, что зависть соединяется с еще более отвратительным чувством злорадства и связана еще с какою-либо греховною страстью — тщеславия, или корыстолюбия, или честолюбия, и направлена бывает против своего соперника в соответствующих этим страстям стремлениях. Чтобы побороть зависть, должно противиться не только ей самой, но прежде всего тем себялюбивым основным страстям своей души, из коих она рождается. Если подавишь в себе честолюбие, то не будешь завидовать товарищу или сослуживцу, который преуспел больше тебя; если ты не сребролюбив, то не будешь завидовать разбогатевшему соседу.

При сем указывай кающемуся на бессмысленность злобной зависти, ибо, если ты думаешь, что начальник не по правде, а по неразумию или пристрастию возвысил недостойного, то не сей, а сам начальник заслуживает негодования. Если же ты думаешь, что твой товарищ нечестными путями и обманом привлек к себе расположение начальника или толпы, то почему ты не негодовал на него раньше, и почему твое негодование и гнев усилились тогда только, когда он не по справедливости был возвышен? Ведь лезть или притворство, в коем он виновен, одинаково постыдны и при успехе, и при неуспехе. Посему не оправдывай своей зависти якобы справедливым негодованием. Наверно, ты не питал бы такого чувства, если бы тот человек не был как бы твоим соперником. Ты сам хочешь, но пока не можешь освободиться от томящей тебя зависти? Начни с того, чтобы перестать самого себя обманывать, и всмотри искренно в источник этого чувства: он в себялюбии, в желании богатства и славы, и все это весьма греховно: должно желать себе только спасения на небе, а на земле терпения и чистой совести. Допущенная в душе страсть, если и станет сама предметом святого гнева и борьбы с нею, все-таки будет вновь просыпаться в виде досадного, недоброжелательного чувства и даже повлияет на мысль человека, понуждая его толковать в недобрую сторону все поступки и слова своего недоброжелателя или же того ближнего, которому он завидует. С развитием у нас парламентаризма и партий и с упадком правдивости в людях, почти все отзывы друг о друге, и добрые и порицательные, люди дают не по действительным впечатлениям, а по тому, как относится их партия к той, куда принадлежит ближний. Такая неправда, такая нечестность мысли должна быть признана явлением постыдным, и всякий христианин должен себя останавливать на любом искушении дать пристрастный отзыв о ближнем по зависти или по злобе, а не по истинной правде. В этой предосторожности и должна заключаться первая ступень борьбы против страсти зависти, которая питается злобными выходками завидующего против его соперника; не получая такой пищи, самая зависть постепенно замирает, особенно, если у искушаемого ею вырастет решимость непременно проверять беспристрастно все свои отзывы о ближнем, сдерживая всякое недоброжелательное чувство.

И еще увещевай твоих пасомых, о. духовник, чтобы они не опускали случая всегда признать или заявить о своем сопернике все доброе, что могут о нем сказать по правде. Следуя таким путем, они и из собственного сердца изгонят всякую зависть и придут к тому, что никого не будут считать ни своим соперником, ни врагом.

Сребролюбие.

Служитель Божий, посвятивший себя на сие дело добровольно, а не по другим побуждениям, склонен взирать на христиан, совершающих свое спасение, т.е. приходящих на исповедь, как на желающих посвятить свою жизнь духовному совершенствованию и борющихся только с остатками греховных страстей: гордостью, блудом и гневом. Поэтому ему очень трудно понять такого человека, который, хотя и верует, и о будущей жизни вспоминает, и грехов тяжких избегает, но имеет и других богов, кроме Бога истинного, а таковы сребролюбцы, т.е. жестокосердые скупцы и жадные искатели наживы. Волнения гнева, самолюбия и блуда, если и часто отвлекают человека от Бога, то врываются в душу, как слепые порывы, как против его желания нападающие враги, а сребролюбие и скупость не имеют свойств бурного слепого порыва, а сознательного, спокойного настроения души, направления воли. Как оно может оставаться в душе христианской, слушающей предсказания Христовы о Его Страшном Суде и многие Его изречения о невозможности спастись надеющимся на богатство? — А между тем обогащение, как руководящая цель всей деятельности, всей своей жизни оказывается уделом очень многих богомольных людей, любящих Церковь и живущих воздержно и трезво. Это бывают нередко люди с сильною волею и самообладанием, каковые свойства потребны и для хранения церковного благочестия, и для того, чтобы наживать богатство. Вспомним богатого юношу из Евангелия: *все это сохранил я от юности моей: чего еще не достаёт мне?* (Мф. 19:20). Однако сохранить “все это,” т.е. исполнение заповедей, пожалуй, мог богатый наследник, но наживающий или умножающий богатство, или скупец, конечно, не может. Такой человек непременно отвергал нуждающихся, не помогал родственникам, не поддерживал Церкви, поворачивал в нужду своих сотоварищей по торговле, одним словом, бывал бессердечен и жесток.

Как это совмещалось с благочестием? Конечно, посредством самообмана, который внушает человеку либо мысль о крайней необходимости для блага семьи умножать и скупко беречь свое достояние, либо перетолковывает все обличительные против сребролюбия слова нашей веры в благоприятном для себя смысле, либо пытается доказать, что все нуждающиеся и просители лентяи и пьяницы. Чтобы успокоить свою совесть, такой человек иногда жертвует на Церковь или на дела благотворительные, но это такая малость сравнительно с тем, что он приобретает с обидой для ближних, что успокоить себя он не может вполне, а только пытается обманывать. Поэтому он бывает тревожен и раздражителен, капризен и деспотичен, как герои наших писателей Островского, Горбунова и других. Один коммерсант на юге России выстроил обширный благолепный храм и позвал своего старого дядю полюбоваться на прекрасное сооружение. “Да, просторная, благолепная церковь, — сказал старик, — очень много народу может в ней поместиться, а все-таки не столько, сколько людей ты обобрал и обманул: они бы не могли все вместиться в этот обширный храм.”

Так мог сказать тот старик, но мудро так говорить духовному отцу, и не только потому, что не должно осуждать и порочить тех немногих уже жертвователей и благотворителей, которые еще существуют в наше греховное время, — но и по той причине, что не-

легко положить границу между дозволением хранить богатство и воспрещением рабствовать страсти сребролюбия. Народ и общество нуждаются в промышленности и торговле. Та и другая процветают лишь при наличии сильных коммерсантов и фабрикантов; их усердная работа на пользу народа и государства соединяется с умножением собственного богатства, а отказавшись от желания обогащаться, едва ли будут они напрягать свою мысль и свои усилия к процветанию принятого дела. То же почти можно сказать и о мелких хозяйствах, даже о любом хлеборобе. Конечно, духовник не будет его удерживать, если он сам заявит готовность поступить, как Матфей-мытарь или сыны Зеведеевы, т.е. оставить свой промысел и идти вслед Господу, например, в монастырь; но должно помнить, что подобное требование (а вовсе не совет, как значит в наших неудачных толкованиях) Господь предъявил богатому юноше лишь после того, как выяснилось, что он покоряет в себе страсти и во всем следует заповедям Божиим, а следовательно, созрел для того, чтобы вступить на путь всецелого посвящения себя Богу и Церкви (*приходи и следуй за Мною*) (Мф. 19:21)).

Но как быть с людьми благонамеренными, но все-таки не чуждыми страсти сребролюбия и стоящими у дела, связанного с умножением своего земного состояния?

Конечно, прихожанам с ясною совестью, которые сами сознаются в подверженности страсти сребролюбия, духовник должен говорить прямо о сей страсти; но скупцов и сребролюбцев, не разумеющих своего греховного состояния, он на первых порах должен выпрашивать о тех, прямо греховных делах или поступках, которые обыкновенно совершают корыстолюбцы: они перечисляются в катехизисе при изложении Второй заповеди. Когда исповедующийся признается в нескольких обманах при торговле, в том, как он подвел сотоварища, или отказал в помощи вдове родственнице, учащемуся племяннику и т.п., то спросить его: почему же он поступал так нечестно и жестоко? Значит, желание умножить или сохранить свое достояние является в нем уже страстью, ради которой он теряет голос совести? Пусть он не думает, что это не препятствует ему казаться хорошим человеком-христианином. Иуда — в этих случаях особенно полезно напомнить об Иуде, — был тоже богомольным и верующим человеком, даже исцелял недужных и бесноватых, как и прочие апостолы (Лк. 9:6; 10:17): но поддавшись страсти сребролюбия, до чего дошел? Не о нем ли сказал Господь: *горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы этому человеку не родиться* (Мф. 26:24); и еще: *не двенадцать ли вас избрал Я, но один из вас диавол* (Ин. 6:70). Итак *“виждь, имений рачителю, сих ради удушение употребивша, бежи несытия души, учителю таковая дерзнувшия”* (Тропарь на Страстной Неделе: “Берегись, собиратель имения, из-за которого лукавый ученик предал своего Учителя, а потом повесился...”)

Весьма важно, чтобы сребролюбец понял, что он находится в руках пагубной страсти. Если духовник достиг этого, то сделал более трудное дело, чем убедить в том же блудника, пьяницу или гневливого; те страсти выступают явно в безобразных обнаружениях, а корыстолюбие — страсть с приличным обликом, укрывающаяся нередко от духовного взора своей жертвы. “Что же? Я должен все раздать и стать нищим?,” — спросит озадаченный грешник. — Нет, для сего еще не пришло время, но прежде всего возненавидь свою страсть, и когда она будет тебе препятствовать творить благостыню, угрожая тебе разорением, попирай ее пока хотя бы в тех случаях, когда ты, рассудив спокойно, поймешь, что в этом и в другом деле ты никакого разорения не потерпишь. Совершив же доброе дело, спроси свое сердце, не приобрело ли оно другой, лучшей корысти, чем деньги? Не передалась ли ему хотя бы часть той радости, которую ты доставил благодетельство-

ванному ближнему? Не усладило ли оно сладкою надеждою, когда ты мог отнести и к себе те знаменательные, исключительные прошения, которые испрашиваются Церковью для жертвователей на нее: “освяти любящих благолепие дома Твоего.” “Ты тех воспрослави Божественною Твоею Силою”; храмоздателей же Церковь еще при их жизни, а также по смерти, именует блаженными и приснопамятными. Возненавидь же не просителей, а твою губительную страсть. От благотворения ты не разоришься, а скупость и корыстолюбие делают человека ненавистным для всех окружающих, не исключая его родной семьи. Но если делание добра для ближнего ты можешь начать с того, чтобы не уклоняться от него хотя бы в тех случаях, когда это не грозит тебе остановкой или помехой в твоих делах, то последнее ограничение не должно иметь места, когда предстоит удержать себя от делания зла ближним. Если тебе и покажется, что, не обманув людей, не разорив соперника, ты даже не сможешь поправить свои дела, что твое имущество потерпит немалый ущерб, если ты не допустишь того или иного бесчестного дела, то обреки себя на убыток, даже на разорение, но не умножай своего достояния слезами и проклятиями ближних и вообще преступлением, если не хочешь уподобиться Иуде. Да не падет на тебя глагол св. Иоанна Златоуста: “Богач есть грабитель или сын грабителя.” Духовник должен строго осуждать грабителей, крестьян-революционеров, повторять им Десятую заповедь и правило Номоканона, по которому вор или грабитель должен возвратить украденное и прибавить пятую часть и тогда причаститься может по миновании 2-х лет, а похитивший церковное достояние 15 лет да не причастится (правила 46, 47, 49, 50 и др.).

Грабители же церковных имуществ подлежат отлучению от Церкви. Об обманах и лихоиманиях, якобы вынужденных страхом собственного разорения, должно говорить, что никто не оправдает чиновника, или часового, или судию, который в страхе от людей или от нищеты нарушит свою присягу. Так и торговец или хозяин, если невозможно без обмана или подвода под беду соперника сохранить свое благополучие, пусть обречет себя на убыток и даже разорение, но не отступит от требования честности.

Заканчивая речь о борьбе со сребролюбием, скажем, что духовник, советуя прихожанину побороть его делами благотворения, не должен советовать ему только разбрасывать копейки нищим или попрошайкам, но пойти навстречу ведомой нужде людей знаемых, хотя бы и не умирающих с голоду; или же, если человек имеет досуг и усердие, то отыскивать нужду и проверять ее. Тогда только может христианин, помогая другим, умножать в себе добродетель братолюбия и отвратить свое сердце от любостыжания. Особенно же осторожным должен быть духовник в отношении советов о жертвах на Церковь и благотворительные учреждения, дабы не дать повода подозревать себя в своекорыстии и тем лишить силы все свои увещания.

Предложенные нами примеры духовного увещания против различных страстей, конечно, далеко не исчерпывают всех средств их врачевания: для сего хватило бы материала на толстую книгу. Остаются без подробного рассмотрения указанные Отцами страсти чревоугодия, лености, празднословия, но что толковать о таких второстепенных грехах, когда *“от стопы ног до головы нет ничего целого: язвы и багровые пятна и гноящиеся раны не очищенные от гноя, не перевязанные и не смягченные маслом”* (Ис. 1:6). Конечно, и о сем подобает говорить на исповеди, но мы ограничимся указанием более неотложных врачеваний духовных болезней, уже в виде отдельных грехов и грехопадений.

Особые грехи.

Иногда молодой духовник затрудняется перечислять грехи, т.е. просто не может припомнить главнейших и более часто допускаемых грехопадений. К сожалению, держа часто пред глазами богослужебные книги, наши богословы и наше духовенство редко удостаивают своим вниманием то, что там напечатано красным шрифтом или даже черным, кроме самых молитвословий, из коих также добрую половину никогда не прочитывают.

Итак, довольно полное перечисление всевозможных грехов можно собрать по следующим чинопоследованиям требника и каноника: 1) по чину исповедания, 2) по молитве вечерней Святому Духу, 3) по заключительной вечерней молитве: исповедую тебе единому Богу, в Троице славимому и пр., которая помещается в Киево-Печерских и Почаевских правильниках, 4) по четвертой молитве ко Святому Причащению: “Яко на страшном Твоем и нелицеприемном предстоя судилище”; к сожалению, эту молитву за последние 30 лет перестали помещать в правильниках, но в Псалтири Следованной она помещается, 5) наконец, среди брошюр церковно-книжных лавок можно встретить: “Исповедание грехов генеральное” (т.е. общее) святителя Димитрия Ростовского. Здесь самое подробное и продуманное их перечисление. Конечно, духовник не будет каждого прихожанина опрашивать по каждому из этих грехов, но перечитает их перечисление заранее и затем, применяясь к возрасту, полу и настроению души исповедующихся, будет предлагать те или иные вопросы. Не так давно Киево-Печерская типография выпустила отдельной брошюрой и очень крупным шрифтом: “Последование о исповедании” (1914 г.), где приведено и помянутое творение святителя Димитрия, и полный чин Таинства, и другие еще вопросы кающимся. Эта брошюра может прекрасно заменить вышеуказанные пособия.

Прежде чем обратиться к указанию врачевания отдельных грехов, спросим себя о том, как быть с теми христианами, которые, хотя и не вполне уподобляются тем нераскаянным грешникам, о коих мы писали раньше, как о поверженных в окамененное нечувствие, но, признавая свои грехи предосудительными, откладывают борьбу с ними на неопределенное время, думая, а иногда и гласно заявляя, что еще успеют покаяться. Если такая мысль и не сидит в голове у людей, как устойчивое сознательное положение, то она таится и даже господствует у огромного большинства в полусознательном состоянии и выражается в том беззаботном настроении, с коим они вновь и вновь возвращаются к скверным делам, и в том благодушном самочувствии, с которым они являются, хотя и не часто, в храм Божий и даже на исповедь, нисколько себя не оправдывая, но как бы уверенные, что они ни в каком случае не будут лишены вечного спасения, а непременно когда-либо и как-либо исправят свою жизнь. Наша классическая литература в лице Пушкина, Тургенева, Л. Толстого едва ли не такими именно свойствами наделяет своих героев, в которых желают нарисовать центральный тип русского интеллигента, да и в простом народе таких типов не мало, особенно среди тех, кто вышел уже из условий патриархальной семейной среды и прикоснулся к новым условиям жизни. Что должно внушить таким людям? Страх Божий? Иногда (хотя, конечно, не всегда) им достаточно привести следующее изречение из помянутого Слова св. Кирилла Александрийского “О исходе души и о Втором пришествии” (в Следованной Псалтири). “Говорящие: в юности согрешим, а в старости покаемся, от демонов поругаются и прельщаются, потому что волею согрешают, покаения не сподобятся, и в юности от смертного серпа пожинаются, как Аммон, израилев Царь, Бога прогневивший за лукавая свои помышления и скверные мысли.” Полезно подтвердить это примером из окружающей жизни. Я, например, знал нескольких лютеран, расположенных к нашей вере, но откладывавших священное миропомазание до отставки

или до предсмертной болезни по внушению диавола, который внушал им такое решение, чтобы не говорили о них, будто они приняли Православие из целей корыстных (?!). Все они умерли, не успев выйти из когтей своей ереси. То же нередко бывает с христианами, решившими принять иноческое пострижение, но постепенно откладываявшими его на позднейшие и позднейшие годы. В древнее время тем же погрешали и также подвергались нераскаянной смерти язычники, желавшие стать христианами. Их особенно настойчиво обличает и увещивает св. Иоанн Златоуст в своих творениях и другие современные ему Отцы Церкви. Сверх того, должно внушать откладывающим решительное исправление своей жизни, что желание покаяться и страх Божий не возрастают, если откладывать свое обращение, а меркнут, а в беспечном сердце тем временем зарождаются и возрастают новые страсти, как тернии, заглушающее пшеницу; душа человека черствеет и если даже не будет изъята из тела в молодости, то, медля покаянием в юные годы, к старости еще более жадно привяжется к житейским прелестям и станет вовсе недоступна для решительного покаяния.

Самый нежелательный вид исповеди получается тогда, когда к ней приступает человек, хотя и чуждый преступлений и, пожалуй, грубых страстей, не несущий в своей совести горьких укоризн, а взирающий на себя так: “Жить безгрешным невозможно; я грешил и грешить, конечно, буду не нарочно, а по слабости, но ведь иначе и быть не может; что же я буду особенно убиваться о содеянных грехах, когда с завтрашнего дня примусь за то же самое? Не отрицаю Таинства Причащения, но принимаю его по послушанию христианскому учению, а явной для души своей пользы не ощущал и, вероятно, ощущать не буду. Все, осужденное Евангелием, и я признаю грехом; не лгу, когда отвечаю священнику: “грешен”; но думаю, что, если б этих двух Таинств и не было бы, то я был бы, пожалуй, не хуже и не лучше, чем я пребываю, принимая их ежегодно или через 3-4 года.” Так выразить свое настроение не все решаются и не все могут, особенно малограмотные. Но чувствуют так многие. И, однако, это указание не противоречит тем, с которых мы начали свои советы духовнику, когда заявляем, что исповедующиеся примут его слова как Божии глаголы, и что никогда христианин не бывает так подготовлен и склонен воспринять доброе влияние, как в минуты исповеди.

Дело в том, что изложенное сейчас равнодушное и безотрадное настроение мирянина складывается в его душе по причине неопытности духовника, не сумевшего пробудить в нем укоры совести, сознание себя тяжким грешником пред Богом и ближними. Из вышесказанного следует, что такое пробуждение достигается чрез раскрытие грешнику его господствующей страсти, которой он часто, даже по большей части, в себе и не подозревает, но ведь для сего потребна исповедь продолжительная, а пока возможность таковой не организована, и духовнику приходится ограничиваться либо выслушиванием собственных признаний кающегося, либо задавать вопросы об отдельных грехах. Как может он пробудить в нем глубокое чувство виновности и настойчивое желание приняться за борьбу с собой и озаботиться спасением души своей? Это ведь особенно трудно, если заведомо преступных деяний у человека не было, но нет и прямого стремления к Богу и к добродетели.

В подобных случаях тот из духовников исполнит свою задачу, который откроет кающемуся глаза на такие грехи, которых он не замечает и не ценит ни во что, но которые причиняют много зла ближнему или очень строго осуждены учением Христовым. Переходя теперь к рассмотрению отдельных грехов, мы полагаем, что с подобных-то грехов пасть и должен начинать свои вопросы. Какие же это вопросы?

А вот, когда кающийся заявляет, что он человек верующий, то духовник его спросит: “Не скрывали ли вы это ради ложного стыда и страха пред людьми? Вы знаете, что во времена еще мучеников те христиане, которые заявляли свое отречение от веры Христовой и не исповедовали Господа Иисуса Христа пред мучителями из страха истязаний и казни, отлучались от Церкви на 20 лет, а те, которые поступали так не в опасности смертной казни, а ради земных расчетов или боясь насмешек, отлучались на всю жизнь и только пред кончиной сподоблялись принятия в Церковь и Святого Причащения, или проводили дни свои в постоянном оплакивании своего отречения, как делал апостол Петр, проливавший слезы покаяния при каждом ночном пении петуха во все дни своей жизни: *ибо кто постыдится Меня, и Моих слов, в роде сем...* (Мк. 8:38) и т.д.

Конечно, если духовник лично знает пришедшего и то, что он именно в этом грешен, то его опрос может быть настойчивее и речь о сем продолжительнее. Но и незнакомому он может пояснить, если тот не помнит за собой случаев прямого и нарочитого сокрытия своей веры и представления себя человеком безрелигиозным, что грозные слова Христовы падают не только на того, кто прямо отрекается от веры, но и на того, кто постыдится Его исповедать: в этом грехе повинны и те, кто скрывает от знакомых, что он говееет, ходит в церковь, кто постыдится перекрестить лоб пред обедом или проходя мимо храма, не желая, чтобы люди знали, что он — человек верующий. Полезно ему напомнить, что магометане тогда именно умножают свои молитвы, когда бывают среди неверных, например на палубах пароходов и молятся с особенным усердием, когда пассажиры осыпают молящихся насмешками, ибо перенесение этих насмешек они почитают нарочито угодным для Аллаха подвигом.

Все сие, сказанное с любовью, так, чтобы грешник понял, что священник не унижить его хочет, а раскрыть ему глаза на свою собственную душу, заставит его задуматься. Если он, кроме того, сознается, что скрывал грехи на прежних исповедях, — этот же самый грех или другие — вследствие ли ложного стыда или по крайнему небрежению и забыванию, то, думается, увещания духовника выведут и легкомысленную душу из ее греховной беспечности, а это будет началом перемены всей внутренней жизни человека; он уразумеет, что он тяжкий грешник, что он забыл своего Искупителя и более достоин осуждения от Бога и людей, нежели человек, постыдившийся признать свое родство с бедными родителями или иными родичами и тем заслуживший общее презрение.

Грехи против ближних

Затем поставь исповедующемуся такой вопрос: не лежит ли на его совести грубое оскорбление родителей или постоянно наносимые им мелкие обиды? Пусть же он не думает, что это будничная мелочь в семейной жизни. Господь изрек Моисею: *кто злословит отца своего, или мать свою, смертью да умрет* (Исх. 21:16). Этот смертный приговор злословящим родителей подтверждает Спаситель, как именно заповедь Божию (Мф. 15:4 и Мк. 7:10), хотя не как уголовный закон о смертной казни, но как грех смертный. “Когда вырастешь и, быть может, похоронишь родителей, — пусть так говорит духовник виновному в этом подростку, — то поверь, что, вспоминая подобные случаи, будешь и наедине краснеть до ушей от стыда и ломать себе руки, тщетно желая исправить свой грех, который тебе теперь кажется ничтожным, ибо ты не можешь пока понять, какой острый нож вонзает в грудь любящих родителей дерзкий сын или дочь, когда оскорбляет злобными словами или грубым непослушанием; поймешь это, когда у тебя будут свои дети, но когда, по всей вероятности, уже невозможно будет загладить своей вины пред умершими

родителями.” То же самое или почти то же испытывают учителя, когда получают дерзости от учеников, а получив их много, ожесточаются потом и сами, и святое учебное дело становится пыткой и для учителей и для учеников, но изменить такого положения в нормальное легче последним, нежели первым.

Руководясь желанием пробудить или усилить в исповедующемся чувство виновенности пред Богом, предложи ему вопросы, о которых он, вероятно, и не думает, но которые обнаруживают для него самого его душевные язвы. При сем полезно продолжать свои вопросы не в принятом порядке — грехи против Бога, против ближних и против самого себя, — а в том, в котором легче добраться до пробуждения в нем совести. Ведь современная наша паства о непосредственном отношении к Богу почти забыла. Что за смысл спрашивать об исправном посещении церкви или о внимании к молитве человека, который уже несколько лет как забыл и дорогу в храм Божий, и никогда, ни утром ни вечером, лба не перекрестит? — “Молиться я не привык, — смело отвечают такие люди — но живу честно и никого не обижаю, а многие молятся Богу и поедают людей.” — Если духовному отцу удалось сбить грешника с такой самодовольной позиции вышеуказанными основными вопросами, то пусть благодарит Бога, но во всяком случае полезно продолжать вопросы в том же порядке по степени чуткости к ним совести современных людей, т.е. прежде спросить о грехах против ближнего, а потом уже о грехах против Лица Божия и, наконец, о грехах, расстраивающих внутреннюю жизнь самого грешника.

Итак, тому христианину, который думает, что он никогда не обижал ближнего, скажи — это хорошо, но под обидой нужно разумеать не только то, что сердит человека, но еще более то, что наносит ему вред. Воров строго карает закон и презирают люди, а ведь у человека имеются ценности, несравненно более значительные, чем деньги или вещи: это его душа, его неиспорченность. — Не советовал ли людям чего-либо дурного, порочного? Не осмеивал ли чьего целомудрия или стыдливости или их послушания старшим или добросовестности по службе или по учению? Ведь потеря невинности, стыдливости, послушания родителям и даже честности происходит у юношей и девиц не иначе, как под влиянием примеров и злых советов, а те, которые столкнули их с доброго пути, и думать забыли о них и о своем злодеянии. Они тяжкие грешники пред Богом, более тяжкие, чем воры и грабители. Но еще более преступны те, которые не только дают коварные советы вопрошающим, но сами употребляют усилия, иногда продолжительные, чтобы соблазнить невинного на грех, от которого он потом не освобождается надолго, а то и на всю жизнь. А сколько таких соблазнительей в любом училище, которые не хотят успокоиться, пока не стащат товарища в публичный дом или не познакомят его со скверными людьми. Кому между тем не известно слово Христово: *кто соблазнит одного из малых сих....* и пр. (Мф. 18:6). — Итак, не грешен ли ты в том? Не заседал ли нарочно в сердце ближнего твоего сомнения в вере, не осмеял ли его благочестия? Не отваживал ли от молитвы и храма? Не сеял ли раздора между братьями, между супругами, сослуживцами или товарищами? — Все, поступающие подобным образом, суть помощники и слуги дьявола, который получает над ними сильную власть, ибо они сами отдали себя в послушание его воле. Такая же участь ожидает и тех, которые грешат клеветой на ближнего в беседах с людьми и в печати, или осуждают их, не будучи даже сами уверены в том, что ближние виновны в том или другом.

Впрочем, если ты не имеешь случая или даже желания соблазнять, или огорчать ближнего, или вводить его в беду, но прознав об его несчастье, тому злорадствовал вместо сострадания ему, то смотри, как черна твоя душа, и на каком ты опасном пути, ибо так

сказано в Писании: *ненавидящий брата своего, есть человекоубийца* (1 Ин. 3:15). Но ты в этом не грешен, слава Богу, а не свойственно ли тебе злопамятство, если оно даже и не выражается в мстительности? Ведь оно ни во что вменяет наши молитвы, по слову Господню, и показывает, что сердце твое исполнено великого самолюбия или себялюбия и самооправдания. В том же ты виновен, если имеешь дух непослушания в семье, или школе или на службе; если исполняешь требуемое лишь тогда, когда можешь подвергнуться ответственности, а находишь удовольствие в том, чтобы сделать что-нибудь по-своему. С этого непослушания начался грех во вселенной и с него именно начинают свои греховные подвиги уголовные преступники, руководимые всегда духом самооправдания. Этот дьявольский дух проводил их по таким ступеням: непослушание, лень, обман, дерзость против родителей, искание чувственных наслаждений, воровство, отвержение страха Божия, оставление отчего дома, грабежи и убийства и отвержение самой веры. Когда исповедующийся опустит свою голову и в речи его услышишь голос раскаяния и устрашения своими грехами, тогда скажи ему, что злые чувства непослушания, а особенно злопамятства и злорадства, вырастают в той душе, которая любит всех осуждать; последнее дело греховно именно потому, что вместе с привычкой без нужды осуждать людей в нас развивается услаждение недостатками ближних, а затем нежелание признать в них что-либо доброе, а отсюда уже близко и до злорадства, а тем более до злопамятства. В светском или мирском обществе все это не почитается похвальным, над послушанием же прямо смеются или даже негодуют за самое упоминание о нем, требуя напротив, чтобы каждый подчиненный, каждый солдат, рабочий, чиновник, а тем более профессор, требовал себе свободы и свободы. Особенно это требование было сильно среди студентов и даже среди учеников средней школы. Оно же перешло и в деревню, и в приход, и даже в семью, где только сильная отцовская рука да угроза изгнанием или голодом могут поддерживать тот малый остаток порядка, который ограждает пока дом от разорений. Последние два года показали, куда привело это скверное учение о самоволии: не говоря о том, что люди стали почти поголовно злодеями, но они мрут с голоду, ходят оборванцами, лишились возможности учиться и общаться друг с другом чрез письма — словом, возвратились к состоянию дикарей. Чем, каким подвигом вывел людей из их прежней жизни Спаситель и сделал праведными и разумными? Послушанием! *Послушанием одного праведными станут многие* (Рим. 5:19). И доньше высший образ благочестия, т.е. монашества, есть прежде всего послушание. “Итак, юноша-христианин, — скажет духовник, — если желаешь быть добрым, разумным человеком, а не глупой овцой — Панургова стада, то не соглашайся с толпой погибающих духовно и телесно сверстников, не иди путем самоволия, но путем послушания. Тогда только будешь человеком, тогда, быть может, один из многих товарищей не будешь сифилитиком во время кончины учения, сохранишь веру и сердце незагрубелое, правдивое слово и честную душу, не похожую на переметную суму, как у огромного большинства наших современников. А теперь знай, что, согласно твоим признаниям, ты уже много погрешил пред Богом, и я рад, видя, что ты исполнился скорби пред раскрывшейся тебе картиной твоих немалых грехов, о коих ты прежде, пожалуй, и не думал.”

Грехи против Бога.

Так будет говорить духовник современному юноше, но последними словами и при исповеди пожилого человека хорошо обозначить переход от расспроса грехов против ближнего к грехам против самого Бога, которых он прежде и замечать не хотел, и продолжить свою речь приблизительно так: “Ты недоумеваешь, как ты мог столь легко относиться-

ся к своим словам и поступкам, и не замечал ты ни их предосудительности, ни того, какое горе или какой душевный вред наносил ты ближним. А знаешь, почему? Потому что ты, без малого, забыл Бога, а с Ним и свою душу и не внимал ей; внимать же ей тот не будет и не может, кто не раскрывает ее пред Богом, не молится Ему и не благоговеет пред Ним. Отсюда ты поймешь, насколько ты был не прав, заявив в начале исповеди, что хотя ты Богу молиться не любишь, но живешь честно и никого не обижаешь. Поймешь, как далек от истины давно распространенный в обществе предрассудок, будто молитва и все благочестие не касается жизни человека среди людей, а только сокровенных сторон его собственной души, а потому оно и не так-то нужно для человечества или даже вовсе не нужно. Теперь ты разумеешь, что если бы ты молился ежедневно церковными молитвами, перечисляя свои грехи, если б ходил в церковь и слышал, как христиане с земными поклонами просят себе духа целомудрия, смиренномудрия, терпения, любви и неосуждения, то ты не пребывал бы в своей духовной беспечности и не отягчил бы совести столькими грехами и греховными обычаями, которые теперь сокрушают твою душу. Но кроме такого небрежения о душе, не допускал ли ты и сознательного ругательства на Бога и вообще на веру? Не грешил ли ты хулою и ропотом на Бога? Знай, что бесноватые и значительное число помешанных именно за этот грех подвергнуты своему недугу. А кощунством ты не погрешал? Не отзывался насмешливо о разных верованиях Церкви и ее священных обычаях, в коих ты, вероятно, ничего не разумеешь? Но позволял себе это, зная, что в том обществе никто не сумеет обличить твоего невежества в сих предметах и не заступится за свою веру, как, вероятно, и ты не заступался, когда слышал заведомо ложные и бессовестные против нее укоризны: не правда ли? — Но, может быть, в лучшие минуты ты давал Богу обещание исправиться, а может быть, давал Ему и благочестивые обеты предпринять какой-либо подвиг или совершить дело благотворения? Исполнял ли ты свои обеты? Если нет, то не удивляйся посещающему тебя чувству тяжелого уныния или как бы беспричинного гнева, тоски или страха: все это посылает Господь грешной душе, чтобы она поразмыслила, не заслужила ли она за что-либо гнев Божий, и, вспомнив о неисполненном обете, принесла бы покаяние и исправила бы свой грех. Такие же последствия бывают, если христианин дал заведомо ложную клятву: не виновен ли и ты в этом? — Смотри, за это положено продолжительное лишение Причастия Вселенскими Соборами. Если ты тем не грешен, то не погрешаешь ли постоянною и неблагоговейною божбою, в которой проявляется полное отсутствие у человека страха Божия и пренебрежение к существу Божию? Далее, ты, может быть, не знаешь, что все христиане обязаны еженощно простаивать по крайней мере Литургию, а кто без благословной вины, например, болезни и т.п. отсутствовал из Церкви три недели подряд, тот, по правилам еще святых апостолов, совсем отлучался от церковного общения и потом, по раскаянии, принимался, как отпадший. Если ты в этом грешен, то не успокаивай себя мыслью о том, что большая часть твоих знакомых поступают так же: во аде места много и, конечно, суд Божий не будет определяться в ту или другую сторону количеством грешников или праведников... Молишься ли ты хотя бы дома ежедневно? — Не говоря уже о том, что это наша обязанность, знай, что кто не молится, не участвует в церковной службе, тот никогда не может не только укрепляться в добродетели и побороть свои страсти, но не способен бывает удерживать себя от того, чтоб все ниже и ниже падать в пучину страстей — или распутства, или пьянства, или бесовской гордыни, или жестокосердия, или любостыжания, или уныния. Не верь тем, которые говорят: “Я чту Бога в своем сердце, а Ему не нужно, чтоб я пред Ним распростирался в храме.” Лгут они. Поверили ли бы твои отец или мать, если б ты говорил, что любишь

их, а никогда бы с ними не беседовал, не посещал их, уделяя много часов на беседы с товарищами и женщинами, на театры и прогулки? Знай, что если искренно и твердо желаешь быть человеком, а не игрищем греховных страстей, то должен исполнять долг христианина, сына церковного, ибо и сделавшись таким, только с постоянною борьбою против себя самого и чрез благодать Божию, подаваемую молящимся, может человек исправлять свою жизнь, а если он не молится и к Церкви не прибегает, то при нем останутся только красивые слова и греховные страсти и пороки. Ты признавался, что в тебе слаба вера в чудеса Христовы и святых; ты не можешь никогда себе представить, как Бог слышит наши молитвы. Но если ты склонен не доверять свидетельству Христову и апостолов, то не доверяешь ли разным басням авантюристов? Всяким спиритам, хлыстам? Не усвоил ли себе безумную веру в переселение душ, принимаемую в Европе от древних язычников буддистов в виде теософии. Не имеешь ли вообще суеверий? Наверное, тебе с детства говорили о народном невежестве, о крестьянах, погруженных в суеверие: но не более ли нелепы и бездоказательны столь же многочисленные суеверия общества образованного? Не столь же ли суеверно, без всякой проверки, а просто по требованию моды принимаются в нем новые и новые вымыслы и фантастические теории ремесленников печати, начиная с дипломированных и кончая невежественными, например, толкователями Апокалипсиса? Не поддавался ли и ты их суеверному влиянию?

Итак, поднимай свой взор к небу, не оставляй мысли об Искупителе своем, не живи от Него отчужденно; не предавай сердца твоего суевериям и бабьим басням (1 Тим. 4:7), как выражается Апостол; не меняй Христа на Будду с его учением о переселении, столь льстящим нашей лени и страстям.”

Примечание. Последователи учения о переселении душ во все более и более совершенные тела становятся в тупик, когда им напомнить явление Моисея и Илии после смерти Иоанна Крестителя, на горе Фаворской: они должны отречься от своего излюбленного толкования, будто Иоанн Креститель есть возродившийся Илия, либо допустить, что переселение может быть обратное в прежнее тело. Но они ни того, ни другого не допускают.

Грехи против собственной души.

“Когда будешь себя мысленно ставить пред лицо Божие и приносить покаяние в грехах, ты, кроме своих провинностей пред Богом и людьми, скоро усмотришь, в чем ты оказывался недостойным хозяином своей собственной души, которую тебе дал Бог, чтобы сделать ее способною для благоплодного служения Ему и ближним, — так продолжает духовник свои увещания. — Душа, уже покорившаяся Богу, всегда недовольна собою, и укоряет себя, кроме прямых нарушений заповедей Божиих, за недостаточно усердное их исполнение. Наши покаянные молитвы, приносимые от лица людей церковных, оплакивают прежде всего грех лени. И в молитве: “Господи и Владыко живота моего” на первом месте упоминается праздность, а в продолжение всех покаянных недель мы сокрушаемся душою о том же, воспевая в церкви: “... и в лени все житие мое иждих.” Не виновен ли и ты, брат, ленью? Нашею русскою ленью? Не мирись с нею; даже в делах мирских она смерть для души и родина всех пороков, а в жизни духовной тем более ей не поддавайся; не старайся идти в ту церковь, где раньше оканчивается служба, не сокращай молитв, а, кроме того, задай себе непременно какую-нибудь бескорыстную работу для славы Божией: или посещение больных или тюрем, или шитье на бедных либо на церковь, или заработай денег на цели благотворения, или читай книжку богадельным старухам и т.д. Тогда полюбишь вообще труд, а продолжительное бездействие будет тебя всегда тяготить.

Удерживайся от празднословия, то есть от разговоров, когда приходит время работать, от посещения домов, где ничего ни полезного, ни отрадного для души не получишь, а хочешь туда идти, чтобы только убить время и отделаться от работы или полезного чтения. От празднословия образуется привычка лгать, не стараться о том, чтобы говорить правду, а говорить то, что приятно слуху. — Не думай, что легкая готовность говорить неправду есть дело маловажное: все скверные дела на свете непременно приправляются ложью и клеветой. Недаром сатана называется отцом лжи. Только ложь и клевета могли отравить тогда ум народа иудейского, когда он единодушно кричал: *распни, распни Его* (Лк. 23:21). Без лжи и клеветы не началась бы и не совершилась бы революция во Франции в XVIII веке, ни у нас Пугачевщина, ни современное разрушение Отечества. Зато как ценен человек, которого знают как правдивого, не могущего никогда солгать. Блудешь ли ты за душою своею, чтобы всегда говорить правду, и если поймаешь себя во лжи, то старайся поправить внесенное заблуждение и пояснить своим собеседникам, что ты тогда-то и о том-то сказал неправильно. Если будешь так поступать, то отучишь себя самого от лжи. А если будешь ей поддаваться, то кроме того тяжелого греха клеветы и раздоров, о которых говорено раньше, ты не минуешь и другой постыдной привычки, от которой не свободен почти никто, решающийся спокойно говорить неправду. Разумею лесть пред сильными или пред толпой. Лестью теперь добиваются избирательных должностей; лестью добиваются незаконной любви от женщин и чрез них выбиваются на широкую дорогу, — но ведущую в погибель. Не грешил ли и ты тем самым? Этот грех особенно отвратителен в устах человека современного, который хвалится своею независимостью, своим свободолюбием, а идет путем прикрытого такими словами человекоугодия и лести, переменяя свое обличие и свои якобы убеждения по несколько раз в день в разнообразных обществах. Но если ты свободен от этого греха, то не виновен ли в противоположном, хотя оно нередко совмещается с лестью. Разумею привычку ругаться, которая с ужасающею силою распространилась теперь среди молодого поколения, особенно среди революционеров. Многие из них не столь часто произносят союз “и,” сколько матерную брань, то против своего собеседника, чтобы показать ему свою бессовестность и удержать его от попытки пристыдить человека; то просто пересыпают этими безобразными ругательствами свою речь, чтобы душа поскорее огрубела и не чувствовала бы укоров совести за свое преступное состояние. — Если ты и не ругатель в такой степени, и вовсе не желаешь убить в себе совесть, то все же удерживайся от ругательных слов, ибо от них грубеет твоя душа и оскорбляются собеседники, даже если ты и не желал их обидеть. Особенно Господь гневается на тех, которые называют ближних диаволами и допускают выражения “побери тебя, или его, или меня бес.” Не станет слов таких говорить, хотя бы и без гнева, такой христианин, который дорожит своим спасением. Есть еще одна добродетель, которой если не стяжаешь в своей душе, то не подвинешься вперед в духовной жизни. Эта добродетель — терпение, о котором так не любят слушать наши современники, почему и погубили свои души и свою страну. Впрочем, на исповеди трудно говорить о красоте добродетелей, ибо ближайшее назначение исповеди — каяться во грехах. Посему скажу тебе о грехе нетерпения. Не виноват ли ты в сем грехе? Наверно, добрая половина всех твоих ссор и огорчений в семействе имела причиной то, что ты не постарался сдержать на несколько минут чувства раздражения на чью-либо неосторожность или неисправность, или на причиненную тебе обиду. Один монах не мог ужиться в монастыре и совсем было решил покинуть обитель, но старец ему посоветовал написать на бумаге четыре слова: “стерплю для Иисуса Христа,” и читать их после всякой полученной неприятности, при всяком появлении жела-

ния покинуть обитель. Монах думал, что от сего не будет никакой пользы, но все же решил сделать несколько опытов. И что же? Он успокаивался каждый раз, когда прочитывал эти слова, а поступив так несколько раз, потом совсем перестал и обижаться на братию, и понял, что самые-то обиды в большинстве были только мнимые, а обижать его и не хотели собратья. — Если предпишешь себе подвиг терпения, то будешь выполнять и посты церковные, ибо за нарушение их христианин отлучается Соборами на два года от Святого Причащения, а соблюдение их есть лучший способ, во-первых, стяжать добродетель терпения, во-вторых — не тратить всю свою зарплату на личные нужды, а припасать кое-что для благотворения и, наконец, — обуздывать блудные страсти и иметь большее расположение к молитве и духовному чтению.”

Расспросив грешника обо всем, что духовник нашел нужным или хотя бы возможным в краткий срок исповеди, он должен, кроме нарочитых советов по поводу особых страстей и грехов, преподать краткое увещание о хранении души от искушений и при сем непременно предостеречь его от тех нравственных терзаний, которые причиняются человеку его тяжкими и греховными привычками.

Мрачное безнадежное состояние души Каина усваивается всяким тяжким и не показавшимся грешником. Даже раньше, чем он даст себе отчет в своем злодеянии, он чувствует сперва для него самого непонятную тоску, как Саул, делается раздражителен, придиричив к родным и окружающим. Ласка детей, жены и родителей его уже не радует, а тяготит. Если у него было какое-либо возвышающее его занятие, ученое или общественное, оно кажется теперь чуждым его душе: он желал бы уйти от самого себя, а уйти некуда. Вдвойне же ему тяжело быть с теми, кого он преступно обманывал, например жену, если он ей изменяет, или хозяина, если его обкрадывает. Он ищет или уединения, или общества людей порочных, которым не противны такие же дела, какие тяготят его совесть. Но в том и в другом случае он ищет самозабвения, а оно дается, хотя и не на долгое время, в пьянстве, чтобы затем с двойною силою давить его совесть и требовать нового и нового забвения, на дне которого оказывается отчаяние и нередко самоубийство, т.е. вечная погибель души, о которой и молитва церковная бесполезна. Блажен будет еще тот преступный грешник, который вовремя ужаснется о своем падении, признается в нем духовнику и испросит прощения у тех, пред кем провинился; но чем глубже было падение, тем ожесточенней становится душа и тем труднее бывает ей смириться и раскаяться. — Если ты теперь исполнен покаянного чувства, то знай, что с повторением или усугублением греха, оно будет меркнуть и убегать от тебя, как утренняя тень, и не напрасно же даже молящийся в церкви грешник восклицает со скорбью: “... ни слез, ниже покаяния имам, ниже умиления: Сам ми сия, Спасе, яко Бог, даруй.” — Если б только прежде, чем решиться на грех, люди думали, как мучительно будут они переживать его последствия еще здесь на земле, в обычных условиях жизни, то отворачивались бы от искушения с такою же решительностью, как от вкусного, но смертельного яда. “Грех показывает мне сладкое и вкушаю всегда горького напоения.” Ищи себе, заключит духовник свое наставление, радостей духовных, радостей чистой любви и благодеяний. Хоть что-нибудь заставь себя делать во исполнение сей заповеди; хоть какой-нибудь постоянный труд предпиши себе для славы Божией и для спасения души; тогда грех будет постоянно терять в твоих глазах свою привлекательность и, наконец, а может быть и сразу, делается тебе противен, как пишет апостол Павел: *поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти* (Гал. 5:16). Заканчивая изложенные руководственные советы о борьбе со страстями и о врачевании отдельных грехов, мы, повторяю, не имели притязания ни на полноту, ни на строгую си-

стематичность в их разделении, ибо материя эта бесконечна, как бесконечно разнообразие человеческих характеров, положений и настроений. Мы удовольствуемся этим, хоть некоторые читатели-духовники скажут: “Да, теперь я узнал, в чем сущность моего назначения, как духовного отца, и я пожалуй найдусь, с помощью Божию, сказать, что нужно и как нужно, даже и при таких настроениях, деяниях и признаниях прихожанина, о которых здесь ничего не сказано.” — Однако считаем необходимым прибавить еще нечто. Мы говорили о духовном врачевании грешников; но следует сказать хотя два-три слова о духовном руководстве праведников, разумея под последними не таких христиан, которые уже покорили свои страсти и могли бы поучить самого духовника, как должно спасаться: а менее утвержденных, таких, которые все-таки занимаются своим спасением и прежде всего подвизаются в молитве и посте. Их должно охранять от увлечения хлыстовским мистицизмом и внушать им, что святые отцы строго настроено воспрещали выжимать из себя или вообще искусственно возбуждать в себе молитвенный восторг или умиление, ибо в таких случаях молящийся ошибочно принимает за духовный восторг просто напросто то или иное телесное ощущение — замирание сердца, порывистое дыхание, спазмы и т.д., а затем, удовлетворяемый такими ощущениями, начинает себя почитать человеком высоко молитвенным, духовным и впадает в горделивое самообольщение. Воспрещая напрягать свои чувства, отцы повелевают напрягать свое внимание во все слова и мысль молитвы, и лучше читать их меньше, но внимательно. Чувство же зависит не от нашей воли, а посылается Богом как дар благодати, которым можно и должно дорожить, но отнюдь нельзя превозноситься и хвалиться. Если оно долго не подается молящемуся или временами отнимается, то должно обдумать, не препятствует ли ему какой-либо неопознанный грех, или тайно зародившаяся страсть, или греховное житейское попечение, и вступить с ними в борьбу. Но если память и совесть свидетельствуют, что сего нет, то должно терпеливо продолжать свои молитвенные труды, и Господь пошлет умиление тогда, когда это будет полезнее для нашей души, когда она перестанет быть нетерпеливой и самонадеянной. Духовник должен также настойчиво предостерегать верующих, чтобы не просили себе видений и чудес, ибо такие прошения христиан бывают прямым путем к духовной прелести и суевериям. Пусть также не спешат во всякой своей неудаче усматривать козни демонов: мы слишком ничтожны в духовном смысле, чтобы бесы нами много занимались; ибо и так исполняем то, что им нравится. Только в приливах злобной ненависти, беспричинного уныния и отчаяния должно познавать их прилоги, также во внезапном и беспричинном нападении похоти блудной. Удерживая своих духовных чад от желания и требования себе от Бога чудес и видений, духовник должен напоминать им, чтобы, молясь Богу, они, во-первых, мысленно ставили себя пред Ним, а во-вторых, и это особенно важно, внушали себе ту истину, что не только мы в это время мысленно взираем к Богу, но и Господь, как, впрочем, и всегда, взирает на нас, взирает в наше сердце, читает наши мысли и внемлет нашим прошениям и славословиям. Такая мысль всегда отгоняет от молящегося невниманье и рассеяние, ибо, если, беседуя с царем, человек вникает своим вниманием в каждое слово царя и бывает сосредоточен и почтителен, то беседуя с Господом он, чувствуя устремленный на себя взор Всевидящего, будет исполнен благоговейного трепета и святого умиления.

Епитимии.

Мы обещали сказать в заключение два слова об епитимиях. По Номоканону, три четверти исповедующихся современников наших не только подлежат строгим епитимиям, но

полному лишению в Причащении на десять, двадцать лет, а то и до предсмертного часа. Но в том же Номоканоне пояснено, при каких условиях можно сокращать это лишение вдвое и втрое. Однако не приведено главное условие, не имевшее места тогда, когда составлялся Номоканон. Разумеет общую греховность последних двух веков и, следовательно, несравненно большую трудность бороться с грехом, чем во времена древнего благочестия, — всеобщего и подчинявшего себе все устои и обычаи жизни семейной и общественной. Итак, при современных устоях жизни, столь далеко отклонившейся от Божьих заповедей, строгость епитимийника приходится сокращать во много раз. Но жаль, что духовники у нас и вовсе не дают христианам епитимии, либо по ложной деликатности и робости. Для бывших униатов или для потомков униатов Польши, а также для твердо православных прихожан епархий Велико-русских с несколько старообрядческим, а точнее выражаясь, — со строго церковным укладом жизни, это неприменение епитимии является предметом соблазна и немалого огорчения. Но дело не только в огорчении, а в том, что должно исполнять законы нашего благочестия, хотя бы и смягчая их сообразно с упадком духовных сил наших современников. Итак, прежде всего не должно вовсе допускать ко Святому Причастию людей, не изъявляющих решимости оставить смертный грех, например, продолжающих блудное сожитие, затем содержателей притонов разврата, преступных игорных домов и т.п. Прихожан, согрешивших блудом, хищением, оскорблением родителей, хулой или дерзким кощунством, но приносящих покаяние, можно к Причастию допустить, но положить им какое-либо молитвенное правило (канон), поклоны и непременно удовлетворение обиженных и примирение с ними. Но если они — люди, обратившиеся недавно или обращающиеся от неверия, то должно их в сих случаях допускать к Причастию без епитимии, как новообращенных от ереси, но пояснить, какому церковному ограничению они подлежали бы по канонам. Убийц, грабителей, насильников, женщин, вытравливающих плод, и девиц, а также докторов и мужей, помогающих им в этом, затем мужеложников, скотоложников, прелюбодеев, соблазнитель, сознательных осквернителей святыни должно непременно лишать Причастия на несколько лет и никак не менее года, если их покаяние тепло и искренно. Допускать же к Причастию некоторых из них теперь же возможно лишь в тех случаях, если подобные грехи совершены давно, и они с тех пор оплакивали их, но не решались придти на исповедь. Что касается до наложения молитв и поклонов, то следует соображаться с немощью и леностью современных христиан: пусть лучше исполнят малое правило, чем, получив большое, не будут его выполнять. На этом мы пока закончим свои братские наставления духовному отцу.

Свято-Троицкая Православная Миссия
2001:Holy Trinity Orthodox Mission
466 Foothill Blvd, Box 397:La Canada, Ca 91011:USA
Редактор: Епископ Александр (Милеант)

(file_name.doc, 02-15-2001)

Edited by	Date
E. M.	9-7-01